

Ахмад Дехкан

Путешествие на высоту 270

Иранский бестселлер

Иранский бестселлер

Ахмад Дехкан

Путешествие на высоту 270

«Садра»

1995

УДК 821.222.1-312.4
ББК 84(5Ирн)-44

Дехкан А.

Путешествие на высоту 270 / А. Дехкан — «Садра»,
1995 — (Иранский бестселлер)

[Этот роман посвящен страшным и героическим событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 годов. Главный герой книги – юноша, вернувшийся с фронта лишь затем, чтобы сдать выпускные экзамены в школе и опять отбыть на передовую вместе со своим лучшим другом. Молодому человеку приходится пройти жесточайшие испытания, но он всегда помнит о том, что, несмотря на самые тяжелые обстоятельства, надежда и стойкость человека, сражающегося за правое дело, непоколебимы. Для широкого круга читателей.](#)

УДК 821.222.1-312.4
ББК 84(5Ирн)-44

© Дехкан А., 1995
© Садра, 1995

Содержание

Предисловие	6
Предисловие иранского издателя	7
Глава первая	8
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ахмад Дехкан

Путешествие на высоту 270

© Фонд исследований исламской культуры, 2015

© ООО «Садра», 2015

Предисловие

Ирано-иракская война – один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского диктатора Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше иранскую революцию. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могло, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда народ Ирана в едином порыве поднимется на защиту своей страны. «Священная оборона» и «Навязанная война» – так до сих пор именуются те события в иранском обществе. Да, эта война была навязана молодому государству, еще не полностью оправившемуся после революционных потрясений, и люди, совсем недавно сражавшиеся с прозападным шахским режимом, вновь объединились в священный порыве, чтобы отстоять свои завоевания и свою независимость. В то время как Ирак поддерживали практически все крупные мировые державы, иранцам приходилось воевать чуть ли не голыми руками, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, планировавшаяся иракским командованием как молниеносная, продолжалась восемь лет, с сентября 1980 до августа 1988 года, и унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а главным итогом ее стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о Священной обороне, сами сражались на передовой – именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и – самое главное – глубочайший духовный подтекст. Вообще вся литература Ирана, начиная с древнейших времен, проникнута неповторимой духовностью, а в годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное – помнить...

Предисловие иранского издателя

Сейчас – время писать. Прошли годы после той войны. Нужно сказать о войне и о тех, кто воевал. Нужно, чтобы сами они это сказали, и услышали, и разобрались. История показывает, что после окончания войн на сцену выступает военная литература.

Значит, так и надо действовать, взяться за работу, за перо. Это тоже бой, еще один. И наша цель – стать победителями. Мы горячо ждем руку всем писателям.

Издательство «Наир-э сарир»

Глава первая

Мяч подпрыгнул около меня и покатился к сточной канаве.

Игроки кричали мне, стояли устало, руки на поясе. От их тел шел пар. Я подкатил мяч ногой, потом ударом вернул им его.

– Отлично, брат! Браво!

– Спасибо за мяч!

Я отсалютовал им рукой. Вратарь, который стоял, опираясь на перекладину, отсалютовал мне в ответ.

Я позвонил в дверной звонок и ждал. Меня поражает, как они могут играть в холодную погоду в одних тонких футболках. В доме слышались шаги матери. Она волочит ноги при ходьбе, и ее тапки шаркают так, будто она ходит с трудом. Я снова нажал на звонок, не отпуская его.

– Иду... иду. Что случилось там? Я иду.

Звуки шагов стихли. Она, должно быть, надевает чадру. Дверь открылась.

– Привет, мама!

В дверном проеме – лицо матери, как будто замерло в рамке. Позади нее во дворе качаются ветви деревьев, с которых осенние листья почти все облетели. Выцветший желтый платок выглядывает из-под чадры матери, и несколько прядей черных волос выбились на лоб.

– Да что с тобой? Не можешь звонить как нормальный человек?

Она отступает в сторону, и я вхожу, притворяя дверь. Мать снимает чадру, под ней зеленое длинное платье с рисунком из крошечных красных роз. Она раздражена и не смотрит на меня. Я забегаю вперед и падаю перед ней на все четыре.

– Садись, мама! Поехали!

Ее лицо медленно озаряется улыбкой – словно капелька чернил упала в воду и постепенно растворяется в ней.

– Я не дам тебе пройти! Твой ослик ждет, и ты можешь взобраться на него...

Она бросает смятую чадру мне в лицо и пытается пройти мимо меня, но я хватаю рукав ее платья:

– Никогда!

Рукав выскальзывает из моей руки. Уходя, она спрашивает:

– Как твои дела? Всё хорошо?

Мы оказываемся плечом к плечу, и я говорю с гордостью:

– Мне ли не сдать экзамен?

Она заглядывает мне в лицо, поднимая брови:

– Посмотрим.

Когда я вошел в комнату, волна тепла и сырости ударила мне в лицо. Я растянулся на ковре. Потолок был весь в потеках, словно белые и черные облака катались верхом друг на друге. Кусок штукатурки размером с ладонь отвалился от одного из углов потолка. Недавно снег на крыше растаял на солнце, потом опять замерз. Мы сбрасывали его, с трудом отдирая от крыши лопатами, и, когда куски этого снега падали на землю, они раскалывались и выстреливали в разные стороны. Другой ночью, когда я спал, что-то рухнуло на пол с мокрым звуком. Моя сестра Роя как заверещит! Теперь всякий раз, когда я показываю ей темные снежные тучи, она бросается в мои объятия.

– ...Мама, где дети?

Доносятся звуки воды, которой она ополаскивает заварочный чайник.

– Ты слышишь меня?

Мама ставит чайник на самовар, убавляет фитиль и отвечает вопросом на вопрос:

– Их нет в переулке?

Пожимая плечами, я отвечаю, что не видел. Шум самовара нарастает.

– Этим утром пришел почтальон.

– Ну да? От кого? – поспешно спрашиваю я.

Она встала возле меня. Поставила рядом чашку чая и дала мне сложенный листок.

– Постарайся не пролить. Садись, сними куртку.

Это была телеграмма. Я вскочил, разворачивая ее:

*Дорогой Насер, салам! Надеюсь, ты в порядке. Парни передают привет.
Мы собираемся заехать к тетишке Мирзы. Приезжай как можно скорее.
Преданный тебе Али.*

Мне стало жарко. Я снял куртку и снова растянулся на полу.

– Привет, брат!

Я пробормотал Ройе ответ. Она подбежала и обхватила руками мою шею. Ее лицо было студеным, щеки покраснелись. Я освободился от ее объятий и повалил сестру на ковер. Сам лег на живот.

– Что там написано? От кого это?

Я принялся тереть ее холодные порозовевшие щеки, потом сел, прислонившись к стене. Ройя устроилась на моей правой ноге.

– Али передает привет.

Мать села рядом и протянула мне чашку.

– Остывает.

– Не хочу.

Я скатил Ройю со своей ноги и вышел в другую комнату. Мать посмотрела на меня с удивлением. Ройя сказала, цепляясь за ногу матери:

– Мама, брат поссорился?

Мать ответила:

– Нет, дорогая, почему он поссорился? Ссориться нехорошо.

– Тогда... тогда почему он не поцеловал меня?

Я собрал книги и бумаги и сгромоздил их в угол.

Затем достал учебник по физике из ниши в стене и бросил его на пол. Достал тетради из ящика комода... Развалившись на полу, прочитал в учебнике: *Для лучшего понимания происходящего с нами мы должны иметь исчерпывающую информацию. Часть этой информации можно получить путем измерения. Измерение также играет важную роль в нашей повседневной жизни. Когда мы хотим определить вместимость грузовика...*

...Холод забирался в грузовик. Мы сгрудились теснее, чтобы удержать тепло. Один из парней показал на небо и крикнул. Молочно-белый самолет, оставляя в небе дымный след, пикировал на нас. Грузовик встряхнуло. И меня встряхнуло. Подбросило в воздух. Едкий вкус пороха наполнил гортань. Я задышался...

Я листаю книгу. Читаю четвертую страницу. Что я должен измерить? Какова была вместимость грузовика? Сколько было градусов ниже нуля? Как быстро я летел по воздуху? Вообще, где я был в то время?

Я перевернул страницы обратно и начал с самого начала. Моя носо-глотка была полна дыма от пороха. Слова поплыли передо мной, вот они летят между двух насыпей. И Хусейн уткнулся в насыпь лицом. Я схватил его за руку и дернул, чтобы убрать из зоны видимости врага, чтобы мы не были на линии огня. От мочки его уха до кончика подбородка зияла рана, веки дрожали. Кровь и грязь сочились из раны вдоль челюсти, левая бровь начала подергиваться...

Я вновь углубляюсь в учебник. Но голова не работает. Вместо книги я оказываюсь опять на фронте.

– Я тебе чаю налила, вставай.

Я не поднимаю глаз от книги.

– Спасибо, мама.

И тут на меня набрасывается Ройя и шепчет мне на ухо:

– Братик, сделаешь мне корабль?

Мама помогает Ройе подняться.

– Пойдем, доченька. Видишь, брат твой к экзаменам готовится.

Но я перехватываю Ройю у матери.

– Оставь ее, мама! Давай-ка бумагу, сделаю корабль.

Ройя летит к комоду. Изю всех сил выдвигает ящик, тянется на цыпочках внутрь, но ей не достать.

– Постой, сам достану.

Я встаю с пола, и мать предупреждает меня:

– Чай не пролей.

Ройя нетерпеливо ждет, пока я вырву из тетради белый листок.

* * *

Из экзаменационного класса по физике я выхожу на улицу. Смеркается, дует холодный ветер. Жесткие крупы снега секут лицо. Я застегиваю доверху молнию куртки, а учебник по физике сую за пазуху. Домой идти нет желания. Опавшие листья шуршат под ногами, а снег усиливается. Вся стена вдоль улицы сплошь заклеена плакатами: «Отправка на фронт ста тысяч воинов Мухаммада». Я засовываю руки поглубже в карманы. Передо мной идут по улице молоденький паренек с девчонкой. На ней длинное шерстяное пальто, и я улавливаю запах духов. Навстречу им – трое юношей с учебниками под мышками. Увидев парочку, они начинают шептаться, потом громко хохочут. А один из них смотрит на паренька с девчушкой с завистью. Но до того, как мы сойдемся лицом к лицу, я сворачиваю в переулок. Позади себя слышу насмешливый трескучий звук, издаваемый чьими-то губами. А потом топот бегущих ног...

Я останавливаюсь перед дверью зеленого цвета. Позвонив в звонок, отступаю и смотрю на окно второго этажа. Окно открывает мужчина средних лет в исподней рубашке.

– Слушаю.

– Здравствуйте, господин Асгар дома?

– Нет его, заходите.

Этот мужчина в точности так же долговяз и нескладен, как сам Асгар-ага¹, и исподняя рубашка висит на нем как на вешалке. Подняв глаза к небу, он словно бы считает снежинки.

– Не знаете, когда он вернется?

– Не думаю, чтобы скоро вернулся, позавчера только уехал на фронт.

Я ошеломлен. Холод заставляет мужчину поскорее закончить разговор. Я прощаюсь и ухожу восвояси. И думаю о том, почему же Асгар уехал, не сказав мне. Еще через два квартала я подхожу к дому Ахмада. С ним мы вместе возвращались с фронта. Неужто и он уехал? Я его не видел со времени начала экзаменов. Я точно помню, что мы собирались ехать на фронт вместе. Уже совсем стемнело, и всю землю покрывает тонкий слой снега. Дверной звонок сломан. Ключом я стучу по двери, и девчоночий голос спрашивает:

¹ Ага – «господин», уважительное обращение к мужчине. В разговорной речи, особенно в молодежной среде, нередко имеет дружески-шутливую окраску.

– Кто там?

– К Ахмаду – дело...

Дверь приоткрывается.

– Здравствуйте, у меня дело к господину Ахмаду.

– Подождите! – торопливо отвечает девочка. – Подождите!

И убегает прочь. Слышу ее крик в глубине дома: «Мама! Мама...»

Потом – топот приближающихся ног. По звуку этих спешащих ног я понимаю, что один тапок женщина потеряла. Зажегшийся во дворе свет освещает сбоку лицо этой пожилой женщины.

– Здравствуйте, хадя² -ханум³!

Задыхаясь от волнения, она говорит мне:

– Пожалуйста, заходите... Что с Ахмадом?

Из-за ее спины выглядывает девочка. Я спрашиваю:

– Ахмад дома?

– Нет, а что случилось-то? – пожилая женщина сама не своя от испуга.

Мягко и очень размеренно, медленно я объясняю ей:

– У меня дело к Ахмаду. Хотел спросить, дома он или нет?

– Ахмад же на фронте! – отвечает она.

Я ничего не понимаю. Шагаю вперед и недоверчиво переспрашиваю:

– Как на фронте? Когда же он уехал?

Пожилая женщина чуть успокоилась, а девочка скрылась из вида.

– Две недели... Во вторник, две недели назад, уехал...

Я не знаю, что сказать. Прощаюсь и ухожу. На перекрестке установлена палатка помощи фронту. В ней ежатся от холода двое, и снег засыпает сваленные в кучу разноцветные узлы, которые принесли люди. Из динамика слышится голос, агитирующий помогать фронту. А люди проходят мимо, вжав головы в плечи, в воротники пальто. Но прохожих мало – улица почти пуста.

Домой я возвращаюсь уже в полной темноте. На звонок дверь открывает Мустафа. Он ворчит обвиняюще:

– Мать ждала тебя – что ты так поздно?

– Отец еще не вернулся? – спрашиваю.

Он произносит «нет» таким странным голосом, точно горло полощет. Закрывает дверь и идет в дом следом за мной. В комнате Ройя в обледенелом окне ладошкой расчистила кружок, чтобы посмотреть на улицу.

– Мать хотела меня за тобой посылать, – продолжает ворчать Мустафа. – Ты бы говорил ей, куда идешь, а то где я тебя буду искать в темноте?

Я украдкой показываю Ройе язык и отвечаю Мустафе:

– А ты только ворчать умеешь, да?

– Что ж, я вру, что ли? – продолжает Мустафа, но я больше не обращаю на него внимания. Отряхнувшись от снега, вхожу в комнату, Ройя бросается в мои объятия. Так, обнявшись, мы вместе садимся и смотрим, как мать читает намаз. Мать хмурится, косится на меня и, читая молитву, повышает голос:

– ...кроме тех, на кого гnevаются!..

Я прижимаю лицо Ройи к своему уху, и она морщится:

– Ух! Холодный!..

² *Хадж-ханум, хадж-ага* — так называют людей, совершивших хадж; в обиходе – почтительное обращение к любому собеседнику.

³ *Ханум* — «госпожа», уважительное обращение к женщине.

Встав на ноги, я подхожу к керосиновой печке посреди комнаты. Снимаю куртку и бросаю ее в угол. Учебник физики падает на пол. Меж тем вошел Мустафа и занялся своими уроками.

Мать завершает намаз словами «Салам алейкум ва рахматулла» и резко поворачивается ко мне:

– Если так поздно приходишь, хотя бы предупреждал! Я вся извелась...

С тех пор, как я вернулся с фронта, со мной все носятся как с писаной торбой. А мать прямо нянчится со мной, как с малышом. Улыбаясь, я сжимаю Ройю в объятиях:

– Привет, мама!

– Привет приветом, а где ты был?

– К друзьям заходил.

Мустафа хмурит брови:

– Предупредил бы – и заходи.

Я кладу голову Ройи себе на плечо и отвечаю:

– Решай знай задачки и не суй свой нос.

Мустафа ворчит что-то и листает тетрадку. Мать вновь поворачивается в сторону киблы и негромко повторяет: «Хвала Аллаху! Аллах преславный!» Ройя бежит за своей куклой, у которой не хватает одного глаза.

– Братец, давай поиграем!

– Сейчас не хочу, – отвечаю ей, – попозже.

Она садится верхом на мою ногу и сажает куклу на пол, выпрямляя ей ноги. Мать складывает молитвенный коврик, продолжая бормотать молитвы. Складывает и убирает свою молитвенную чадру. Садится возле самовара и наливает мне чаю.

– Так где ты был?

Тон ее смягчился. Она ставит чай возле моих ног и садится напротив. Мустафа, словно он ждал, пока мать закончит намаз, подходит к телевизору и включает его. Я смотрю на него осуждающе, но он притворяется, будто не видит моего взгляда. Лег животом на свой учебник и усталился в экран. Мать спрашивает его:

– Ты уроки делаешь или телевизор смотришь?

Мустафа на такие вопросы предпочитает не отвечать, и мать снова спрашивает меня:

– Так где ты был?

– Да говорю: зашел к ребятам.

Она недоверчиво смотрит на меня:

– И что они тебе сказали?

Я изображаю равнодушие и спокойствие.

– А они оба ушли на фронт.

– Кто это? Кто они такие? – спрашивает мать.

– Ты их не знаешь, – отвечаю я.

По телевизору показывают боевые действия и призывают народ вступать в ряды вооруженных сил. Картинка всё время меняется. Вот иракские солдаты с белым платком в знак капитуляции маршируют, выстроенные в колонну по одному, вот старик повязывает молодому солдату повязку на лоб, вот бесконечная колонна иранских добровольцев, а вот залпы орудий. Мать переключает канал.

– Зачем ты переключила?

По другой программе кошка и небольшая собака гоняются друг за другом и катаются кубарем, а чей-то голос рассказывает о дружбе кошек и собак. Мать опять переключает канал, и Мустафа протестует:

– Оставь уж тот, на этом ничего нет!

Я поднимаюсь, беру свой учебник физики и выхожу в другую комнату. Я должен ехать на фронт. За прошедшие два дня я решил это твердо.

Раздается звонок в дверь. Я слышу голос матери:

– Беги открывай, а то отец звонок оборвет.

Потом слышу, как Мустафа побежал открывать.

Я встаю и сажусь на корточки. Неожиданно включается телевизор, и мать вскрикивает:

– Убавь звук, дочка! Чего ты вдруг включила?

Слышен стук входной двери и крик Ройи:

– Папа! Папа пришел!

– Чертова метель! – ругается отец.

Я выхожу из комнаты. Отец размотал шарф и повесил его на вешалку.

– Привет, отец!

– Привет, дорогой, как твой экзамен? Сдал или нет?

Отец сегодня в настроении, иначе не спросил бы об экзамене. Я уверен, что он не знает, в какой именно день у меня экзамен. И спросил он лишь из благодушия и не ждет ответа.

– Сдал вроде неплохо! – отвечаю я.

– Учись, парень, учись, чтобы приняли в институт. – Отец снял пальто. – Не отставай от других, а то скажут: не взяли его, потому и на фронт ушел. Не стань таким как я: темным и неученым.

Отец потирает руки над керосиновой печкой. По телевизору передают новости, репортаж об отправке на фронт. Отец ставит ноги по бокам обогревателя и наклоняется над ним. Мать занята самоваром.

– Выпей чаю, – говорит она отцу, – согрейся.

Отец снял брюки, под ними его старые, потерявшие цвет кальсоны. Ройя не отрывает глаз от отца и ходит за ним как привязанная. Мустафа украдкой тоже следит за отцом. Отец сует руку в карман пальто и достает две шоколадки, одну отдает Ройе, а вторую кидает на учебник Мустафы. Мустафа подчеркнуто не берет ее, и отец говорит:

– Это тебе, возьми.

На экране диктор объявляет:

– Штаб экономического регулирования принял решение ввести купоны...

Отец и мать внимательно слушают, и отец поднимает руку, предупреждая нас всех молчать. Когда сообщение дочитывают до конца, отец шумно выдыхает, а мать ставит перед ним стакан с крепким чаем. Он берет стакан в обе ладони так, словно хочет согреться его небольшим теплом. Потом подносит стакан к губам и жалуется:

– Чертова поясница, по-прежнему болит!

Отец морщится. Зажмуривает глаза, а щеки его подтягиваются кверху. Потом он язвительно смеется, вспомнив о чем-то, и, поставив стакан с чаем, читает мне стихотворение:

– *Возраст пятьдесят придет,
И вся силушка уйдет!*

Он смеется, потом продолжает жаловаться:

– Я – всё: считай, вышел из строя. Чертова боль в спине всю жизнь мою забирает. То схватит, то отпустит: начинается под поясницей и идет вверх между лопаток.

– Сто раз я тебе говорила: сходи к врачу! – напоминает мать, а отец встает и сердито возражает:

– Ты сто раз говорила, а я сто раз ходил. Дают четыре таблетки из мела – и всё... Сейчас один друг сказал: поедет в Бандар⁴, привезет змеиный жир, вот это, говорят, помогает.

⁴ Бандар — порт (перс). Имеется в виду, скорее всего, портовый город Бандар-Аббас.

Мать расстилает скатерть. Мустафа быстренько убирает учебники и идет к столу. По телевизору новости кончились, и опять повторяют агитацию за отправку на фронт: те же кадры в той же последовательности. Отец отрывает кусок лепешки, кладет его в рот и глухим голосом говорит:

– По-моему, опять наступление...

Он так на меня смотрит, словно ждет ответа. И я говорю:

– Да, каждый год зимой наступление.

Отец берет в руки пиалу с густым йогуртом.

– В прошлом году в это примерно время тебя ранило?

– Нет, позже: в феврале, – отвечаю я.

Мать ставит посреди стола мясную подливку с зеленью. Отец раздраженно смотрит в лицо матери, а она, отводя от него взгляд, идет и приносит рис. И первую тарелку риса ставит перед отцом, а он в сердцах говорит:

– Сотню раз тебе повторял, женщина: готовь рис, сколько хочешь, но только днем, а на ужин – что-нибудь другое!

Он раздраженно отрывает кусок лепешки, сует его в пиалу с йогуртом, потом жует. И ворчит:

– На фабрике постоянно рис, дома рис, я от всего этого риса больной уже насквозь!

Я доедаю свой ужин и ухожу в другую комнату. Решение я принял твердое. Но как мне сказать о нем матери?

* * *

Вечером, когда приходит отец, я не решаюсь выйти из комнаты. В доме тишина. Я молюсь, чтобы мама заговорила о чем-нибудь и чтобы отец ничего не заподозрил. Мустафа, который в одиночку уроки делать не умеет, пришел в мою комнату. Отец всё жалуется на холода. Мать зовет нас:

– Насер, Мустафа, идите ужинать!

Мустафа поднял голову и смотрит на меня. Я кричу на него:

– Ты что, оглох, не слышал, что мать сказала?

Ворча, он поднимается и уходит. Следом за ним захожу и я. Отец закатал снизу брюки и натирает себе жиром заднюю поверхность ног. Резким запахом полна вся комната.

– Привет, папа.

Продолжая массировать икры, он отвечает на мое приветствие. Мать еще не накрыла на стол, и я жалею, что так рано пришел к ужину. Я прибавляю громкость телевизора. Конь схватил за шею другого коня и крутится вместе с ним. Второй конь не перестает лягать воздух. Жеребенок неустойчиво взбрыкивает, выбрасывая задние ножки. Я сажусь, прислонившись к стене. Мать поставила на самовар небольшую кастрюльку и села рядом. Отец уходит в кухню, неся руки так, словно они очень грязные, не касаясь одной руки другой. Ройя прилипла к экрану телевизора. Лягающийся конь ударяет в бок жеребчика, и тот катится на землю. Отец выходит из кухни, и с его рук капает вода. Ройя визжит:

– Папа, папа... Большой конь детку-коня ударил!

Отец садится, опираясь о стену. Ноги ставит прямо: брюки закатаны снизу выше колен. Мать не поднимает глаз и вся согнулась, словно под тяжким грузом. Раздраженно велит Ройе:

– Сделай телевизор тише!

Ройя крутит ручку громкости. Отец смотрит на нас с подозрением. И мать исподлобья наблюдает за нами обоими. Отец рассеянно смотрит на телеэкран. Мать так взволнована, что слышно ее дыхание. Не поднимая глаз, она говорит:

– Насер хочет ехать, – и добавляет что-то неразборчивое.

– Куда ехать? – спрашивает хмуро отец.

Мать молчит. Отец теснее сдвигает ноги. Его глаза раскрыты шире обычного. Он вопросительно смотрит на меня. Я опускаю глаза, а мать поднимает голову. Отец ждет ответа. Мать негромко бормочет:

– Хочет ехать на фронт.

Ноги отца делаются вялыми. Мустафа смотрит на нас в изумлении, словно ждет скандала. А лицо отца делается очень морщинистым, словно лист бумаги скомкали. Он тяжело вздыхает и поднимается, подходит к комоду. Из-за фарфоровых чашек и тарелок достает пачку сигарет. Разрывает ее и вставляет в рот сигарету, подходит к самовару. Наклоняется, увеличивает огонь под самоваром и прикуривает. Ройя удивленно смотрит на отца, забыв о телевизоре. Отец вернулся на свое место и сел, прислонясь к стене. Ройя вскакивает и бросается в его объятия, целует его и говорит нарочито детским голосом, чтобы понравиться отцу:

– Папочка, а лавке мы не договаливались, что ты не будешь дымить паловозиком?

Отец заносит руку и сильным ударом бьет ее по щеке, так что она летит на пол; словно бы что-то грязное с себя стряхнул. Ройя упала ничком. Ее лицо морщится для плача, и цвет его постепенно становится лиловым. Никто из нас не двигается. Ройя начинает громко реветь. На четвереньках она ползет в объятия матери. Мать сильно прижимает ее к себе и нежно поглаживает по спинке. Мустафа весь сжался. Отец уставился в экран телевизора. Белки его глаз налились кровью. Он жадно жует зажатую в губах сигарету. Огонь ее горит ярко. Но в углу отцовского глаза собирается слеза. Сигарета дрожит в его губах. Вспомнились дни детской порки. Тогда отец пускал в ход ремень, и я от страха хотел вжаться в какой-нибудь угол комнаты. Отец теперь играет с дымом сигареты. Когда я вернулся с фронта, он бросил курить. Говорил так: «Этот чертов паровоз своим дымом все легкие мне испортил. Если бы не тревога о тебе, я бы раньше бросил».

Я встаю с места. Терпеть эту обстановку больше нет сил. Ухожу в другую комнату и там собираю свои учебники и кидаю их в коробку. Замечаю учебник физики. Нагибаюсь за ним и ложусь, открыв его. То ли моль, то ли ночная бабочка пролетает мимо моего лица и поднимается к лампе под потолком. Я закрываю глаза. И на меня наплывают воспоминания о фронте и о ребятах из первого взвода. Порой эти картины тускнеют, и тогда тайное возбуждение охватывает меня. Вот я заглядываю во взводную палатку, и Мехди, командир первого взвода, обнимает меня и прижимает к груди. Мягкая поросль на его щеках гладит мое лицо. Со своим обычным спокойствием он сжимает мои плечи и говорит со мной. Постепенно лицо его тускнеет. Я открываю глаза. Во рту сухо и горько. Обезумевший мотылек неверными кругами летает вокруг лампы, потом летит вниз. Я переворачиваюсь на живот. Громко включен телевизор; гремит боевой марш, и затем начинается агитация за вступление в армию и отправку на фронт. Это – единственное, что слышно сейчас у нас в доме. Я закрываю глаза. Агитационный громкоговоритель, находящийся в конце насыпи, передает военный марш. Я тащу Хусейна к насыпи. Взглянул на него и испугался. Лицо его стало страшным. Свежая кровь течет, и смывает покрывшую лицо пыль, и стекает внутрь его воротника. Его веки задрожали и замерли. Я оставил его на том месте и бегом догнал нашу колонну. И все, кто входил внутрь ограниченного насыпью пространства, говорили о трупe Хусейна, лежащем на пути, прямо в том месте, где насыпь прерывалась. Иракцы захватили нас врасплох, и мы отступили. И вновь я увидел Хусейна: он лежал в той же позе. Я прошел мимо, а когда вновь оказался там же, говорили: Хусейна увезли в реанимацию. Кто-то проходил мимо и заметил, что веки его дрожат. И лицо Хусейна, такого, какой он лежал возле насыпи, оживает во мне и всё увеличивается. Он становится таким большим, что мне его теперь и не охватить взглядом. Я раскрываю глаза. Настырный мотылек пролетает близко от моего лица, в сторону книжной полки.

– Насер!.. Насер, иди за стол!

Это мать меня зовет. В ее голосе слышны рыдания. Но я не иду, подожду, пока она накроет. Не хочу сидеть и ждать за столом. Хоть бы и вообще не ходить туда... Я знаю, что сегодня никому из нас ужин не будет в радость. Еда покажется отравленной.

– Насер!.. Иди – остывает!

Мать хочет, чтобы в доме наступило хотя бы условное перемирие. Пусть оно и сведется лишь к тому, что все мы будем сидеть за столом и ужинать бок о бок.

Я встаю: не хочу, чтобы она еще раз звала меня. Выхожу в комнату и вижу, что Мустафа, опершись подбородком о коленки, смотрит телевизор. У отца одна штанина спущена, другая по-прежнему закатана до колена. Стол уже накрыт, и мать ставит для каждого из нас тарелку с мясным бульоном. Я сажусь и оказываюсь спиной к спине с Мустафой. Спокойно и ласково говорю ему:

– Поворачивайся, давай за стол.

Мустафа отрывает подбородок от коленок и садится ужинать, скрестив ноги по-турецки. Я беру кусок лепешки. Ройя положила голову на колени матери и смотрит телевизор, на щеках ее – дорожки от слез. Мать заставляет ее подняться и сесть к столу. Перед каждым из нас тарелка с супом, но в том, как мы все едим, чувствуется отвращение. Словно поглощаем еду лишь по обязанности. Отец закуривает новую сигарету, и продолжается словно бы игра в молчанку. Окунаем лепешки в суп и жуем их – все, кроме отца. У него тарелка уже подернулась остывшим жиром, а он прикуривает новую сигарету от предыдущей, и я вижу, что он выкурил уже полпачки. Он как будто состарился за то время, что меня не было в комнате. Прислонившись к стене, обхватив колени, смотрит телевизор. Там показывают китайский цирк. Мужчина крутит педали одноколесного велосипеда. А вот на арену выпрыгивает некто с разноцветно размазанным лицом. На лице Мустафы появляется скрытая улыбка, но он оглядывается на нас, и улыбка его исчезает. Мама рвет лепешку на мелкие кусочки и кладет их рядом с тарелкой отца. Потом она берет кастрюльку и начинает чистить картошку, шкурки кладет на крышку кастрюльки, и их желтизна скоро покрывает всю крышку.

Раздается долгий звонок в дверь. Мустафа вскакивает и, перепрыгнув через скатерть, бежит к двери. Он опрокинул кастрюлю, отец вскакивает, хватая крышку и запускает ею в Мустафу.

– Ослеп? Как баран несется...

Ройя прижимается к матери. Мустафа, не задерживаясь, выскакивает из комнаты. Картофельные очистки усыпали весь пол. Губы отца дрожат. Мать начинает прибираться, потом отходит к буфету. Дверной звонок теперь звенит не переставая. Кто-то прижал кнопку и не отпускает ее. Дрожащим от гнева голосом отец восклицает:

– Нет Бога, кроме Аллаха! Кто это, на ночь глядя, так звонит, посмотрите, кто там!

Последние его слова ни к кому конкретно не обращены, тем более, что слышен стук открывшейся двери. Звонок смолкает. Глаза отца округлились от ярости. Его поднявшиеся брови встали чуть ли не вертикально под складками лба. Слышен топот Мустафы, избегающего на крыльцо по лесенке, ведущей со двора, он спотыкается и падает. Отец выпрямляет шею и что-то негромко бормочет. Я не слышу его целиком, лишь отдельные слова:

– Осел... к черту... Слепой болван...

Мустафа влетает в комнату. Он запыхался и трет ушибленную ногу. Но прежде, чем он что-то успевает сказать, со двора слышится голос:

– Йалла⁵! Хозяин дома что, гостям не рад?

Запыхавшийся Мустафа объявляет:

– Братец... Братец Али-ага! Али-ага пришел!

⁵ *Йалла* — приветственное восклицание; в разговорной речи может означать также «Давай!», «Вперёд!».

Мать стоит у буфета и не может сдержать широкой улыбки. Я вскакиваю и выбегаю из комнаты. Во дворе стоит Али. Свет зажжен, и на стену легла его великанская тень. От радости я лишь хватаюсь за перила крыльца и не знаю, что сказать. Он, улыбнувшись, кивает мне и заявляет:

– Во-первых, поздоровайся, а затем марш ко мне гусиным шагом и целуй мне ноги, без разговоров! Негодяй, я тебе должен сто писем и телеграмм послать, чтобы ты приехал, а? Придется тебя как невесту выкрасть и отвезти на фронт! Салам, хадж-ага, воспитываю вот его!

Али, шагая через две ступеньки, поднимается на крыльцо и идет навстречу отцу. Проходя мимо меня, искоса на меня глянул и бросил:

– Мы с трусами дел не имеем!

Он обнимается с отцом. Отец, улыбаясь, прижимает голову Али к своей груди. А Али высвобождается из его объятий и целует отца в лоб так смачно, словно машина тормозит.

– Добро пожаловать, Али-джан, очень рады.

– Салам, хадж-ханум!

Мать вышла в сени и стоит, вытирая слезы. Ройя здесь же, прислонилась к дверному косяку. Али оборачивается ко мне и пристально смотрит мне в глаза. И мне рыдание сжимает горло. Али своим присутствием напомнил мне обо всех ребятах и о фронте. Но я не иду к нему, жду, когда он сам обнимет меня. Я вдруг снова стал ребенком, нуждающимся в ласке и внимании, в нежности. И я склоняю голову на его плечо. Спазм сжал мне горло и не дает вымолвить ни слова. Али тихонько спрашивает меня:

– Ну, как ты тут?

Я лишь качаю головой. А мать восклицает предупреждающим резким тоном:

– Опять вы шушукаетесь, дружки! Помогай Аллах!

Мы отстраняемся друг от друга. По щеке матери катится слеза. Она одновременно и смеется, и вытирает слезы. Отец одобрительно кивает, спрашивая:

– И ты, похоже, на фронт махнул рукой, а?

Али надул губы:

– Что такое Вы говорите, хадж-ага? Я приехал, чтобы вот этого негодяя с собой забрать.

Отец смеется и, взяв Али за руку, ведет его в комнату. Тот хочет еще что-то сказать, но отец, взяв его за плечи, вталкивает в дом.

– Заходи, Али-ага, абгушт⁶ остывает.

Али, чуть покачиваясь, входит в дом, снимает обувь. Мустафа сидит в углу и, закатав штанину, дует на свою ногу. Мы все садимся к столу – отец усаживает Али рядом с собой. Пододвигает ему свою тарелку:

– Давай, богатырь! Приступай!

Он кидает крошенную лепешку в тарелку Али. Затем пододвигает кастрюлю и добавляет:

– Йалла, кроши, знай, хлеб. Не надо тут церемониться, ты ведь фронтовик.

Отец берет пестик и начинает трудиться над кастрюлей. Али не заставляет себя упрашивать. Он одновременно ест, посмеивается и рассуждает. Ройя завороченно следит за каждым его жестом. А отец, помогая движениям пестика, привстает, затем налегает всем телом.

– Ну что, Насер учится, слава Аллаху! – говорит Али. – Завтра отечеству понадобятся доктора, понадобятся инженеры, понадобятся грамотные специалисты. К войне жизнь не сводится! Кто-то должен идти на фронт, а кто-то должен и учиться! Тысячу раз слава Аллаху, что нынче повсюду образовались фронты! Школа стала фронтом, магазин фронтом, переулок фронтом, уж я и не знаю, что еще остается, что не стало фронтом. Уроки учить – это ведь как

⁶ *Абгушт* — традиционное иранское блюдо из баранины с горохом и картошкой, которое сначала долго варят, а заканчивают готовить прямо за столом: толкут вареное мясо и овощи пестиком, а потом едят с кусочками хлеба.

в окопе – а что ты хочешь? Насер наш фронтовое ружье переменял на боевое перо! Чего же лучше? У тех, которые на фронте становятся шахидами, кровь красная, а у Насера-аги теперь кровь синяя будет!

Он новый кусок отправляет в рот и спрашивает меня:

– Так я говорю? У канцелярских крыс кровь синяя, разве нет?

Я ничего не отвечаю. Али слегка грозит мне пальцем и продолжает, всё так же обращаясь к отцу:

– Хадж-ага! Я говорю: в гробу я видал этот фронт! Когда прямо здесь ты можешь в окопе биться, надо ума лишиться, чтобы ехать за тем же самым на другой конец страны! Да там еще и окоп-то – под автоматным и артиллерийским огнем. Аллах свидетель: стране нужны доктор, нужны инженеры, нужны писатели. А кровь пролить – это нехитрое дело, любой работяга может кровь пролить...

Отец смеется. Его лоб покрылся потом. Ройя так уставилась на Али, что ее глаза, кажется, вот-вот выпрыгнут из глазниц. Отец ставит перед Али кастрюлю с мясной толченкой. Тот достает большой кусок мяса и отправляет его в рот, из-за этого он временно умолкает, и я говорю:

– Удивительно: на секунду замолчал!

Мама наливает в стаканы чай. Самовар пытит так, словно вот-вот пустится в пляс.

– Посмотри, хадж-ага! – продолжает Али. – Я сотню раз говорил: если бы имам Хусейн учился и стал врачом, насколько бы дела его лучше пошли! Семь лет отучился бы на медицинском факультете Дамаска, потом вернулся бы в Куфу – народу лекарства выписывать! Чего лучше? Сидел бы в кабинете и каждому посетителю проповедовал об исламе. Плохо разве? То-то бы дела двинулись! И никаких бы потом споров и боев...

Он вскользь поглядывает на меня. Мать ставит перед каждым из нас по стакану с чаем. Мустафа собирает тарелки и относит в кухню. Али только открыл рот, собираясь еще что-то сказать, но я схватил солонку и кинул в него. Он выставил щитком обе руки и громко захохотал.

– Ты болтаешь без умолку. Слова не вставить, – говорю я. – Дай хоть другим рот открыть.

Он еще пуще хохочет. Я гневно смотрю на него, а он потирает нос пальцем и произносит:

– Ладно-ладно, пока потерпим. Я с тобой позже расквитаться. А то он тут развоевался, а на фронт идти не хочет, так?

Я наклоняюсь к нему и говорю:

– Будь проклят тот, кто ранил тебя в руку! Неужели он не мог найти получше место? Надо было – клянусь праведным Аббасом – в язык тебе попасть. Насколько же тише стало бы в мире!

Мать поднимает брови:

– Не приведи Господь! Сынок, помолчал бы ты.

Али показывает мне язык. Он издевается надо мной в свое удовольствие. Отец, откинувшись к стене и улыбаясь, спрашивает:

– Ну хорошо, Али-ага! Так какие новости на фронте?

Али чуть отодвигается от стола и берет стакан с чаем. Мустафа переключает канал телевизора, и мы слышим слова известной песни:

*...И вот приходят в упоенье битвы,
Вот поднимают кубками вино...*

На экране движутся солдаты с красными и зелеными знаменами в руках. Поднимают руки перед телекамерами в знак победы. Али рассказывает о фронте – впечатления, мысли... Говорит о готовности к боям. Отец, прервав его, высказывает свое мнение. Ройя придвинулась к отцу. А по телевизору запели еще громче:

*И вот им машут знойные красотки,
Как розы, щеки на лице горят...*

Отец поворачивается к экрану. Бегут солдаты с флагами в руках. Народ расступается, пропуская их. Али говорит:

– Все ребята передают привет. Я приехал за тобой. Наступление скоро начнется, мне еле-еле удалось получить внеочередной отпуск. Но я должен был тебя увезти. Все наши ребята в первом взводе, Мехди – командир взвода, Масуд – его зам.

– А кто теперь командир роты? – спрашиваю я.

– Хусейн.

– Да ну? – я удивлен. – Разве он боеспособен?

– Еще как, дорогой мой! Приди и посмотри, как он нас гоняет по утрам. Кровавыми слезами плачем: марш-броски, бег – чего только нет!

Мы оба смеемся. Я вспоминаю рану, которую видел у Хусейна. От мочки уха к подбородку тянулся свежий красный шрам. Отец закуривает сигарету, и Али смотрит на него с изумлением. Не выпуская сигареты из губ, отец командует:

– Женщина, чаю подай! У Али-аги в горле пересохло!

– Поменьше бы ему тараторить, – говорю я. – Тарахтит, черт побери, как трактор, ни на минуту не остановится!

Мы все смеемся, и сигарета пляшет в губах отца. Али спрашивает:

– Хадж-ага, ты по новой паровоз запустил? Разве ты не бросил?

Ройю в этот момент словно молнией ударило. Вскочив, она свой маленький пальчик подносит к губкам и говорит:

– Тсс! Предупреждаю: попадет сильно!

Мы все улыбаемся. Отец перекидывает сигарету из одного угла рта в другой и прижимает Ройю к груди. Али ничего не понимает, и я говорю ему:

– Не бери в голову, друг, то внутреннее дело! О праздничном фейерверке шла речь!

Мы так смеемся, что слова песни по телевизору едва слышны:

*Из «да» и «нет» от века мир был создан,
«Нет» проиграло – победило «да»!*

Али поднимается, чтобы распрощаться с нами. Отец, сильно пыхнув сигаретой в последний раз, тушит ее в пепельнице. Али спрашивает меня:

– Так ты едешь или открываешь в Куфе врачебный кабинет?

Я смеюсь и спрашиваю:

– А когда ты едешь?

– Что значит «едешь»? – Он смотрит на меня в упор. – «Едем» надо говорить. Я за тобой прибыл.

Он добавляет, понизив голос:

– Буквально вот-вот начнется. Отпуска отменены, Хусейн глотку сорвал, выпрашивая мне отпуск, внеочередной и всего на два дня.

Я отвечаю:

– Завтра утром пойду выправлять документы. В любом случае до полудня получу направление на фронт.

Али по-военному щелкает каблуками, и все встают. Али говорит отцу:

– Хадж-ага! Мы больше не увидимся.

На щеках отца обозначились складки, и словно тяжелый груз лег ему на плечи. Потирая руки, он спрашивает:

– Так когда едете?

Али смотрит на меня. Я опускаю голову, и он говорит:

– Завтра.

Они с отцом обнимаются, и Али целует отца в плечи. Отец, взволнованный, сжимает локти Али:

– Пусть Аллах сопровождает тебя, иншалла, отбудешь и вернешься удачно. Береги моего Насера.

Мы все провожаем Али до двери. На улице холод, и я сильно дрожу. Бегом возвращаюсь в комнату. Отца не стал дожидаться. Мне не по себе. Ухожу в свою комнату, и вскоре туда входит мать, неся под мышкой матрас. На миг мне кажется, что она несет труп: свисающие углы матраса – как руки и ноги мертвеца. Не нагибаясь, она бросает матрас на пол – словно поясница ее перестала гнуться. С глухим стуком «труп» падает. Я вздрагиваю, а мать смотрит мне в глаза. Я заставляю себя успокоиться и ложусь на этот матрас. Мать спрашивает:

– Лампу погасить или считаешь?

– Гаси, – отвечаю я. – Да не оскудеет рука твоя.

Я накрываюсь с головой одеялом и погружаюсь во фронтовые воспоминания. Ни на миг не затихает в ушах лязг танковых гусениц. Я на поле боя.

* * *

Что-то громко падает на пол, и я разом просыпаюсь. В комнате холодно. Слышу, как мать спрашивает:

– Что это было?

– А зачем на дороге поставила? – отвечает отец.

Я натягиваю на себя одеяло. Еще темно, но, пока отец уйдет на работу, он всех разбудит.

Мы к этому привыкли. Он ходит из комнаты в комнату и бормочет:

– Брюк моих не видала? Шайтан бы побрал...

– Под вешалку упали, вон там, под рубашкой.

– ...Аллах Всевышний, где же носки-то?

– Около ниши, вон там, рядом с зеркалом.

– Зачем пальто мое сюда кинула? Вот ведь! Накрой девочку одеялом. Простудится же.

Он садится и пьет чай, я слышу из своей комнаты, как он прихлебывает. Сажусь в постели, обхватив колени руками. Отец входит в комнату. Ведет рукой по стене и щелкает выключателем. Я встаю.

– Салам!

– Сегодня уезжаешь, нет?

– Да, папа.

Пальто отца застегнуто доверху, и шея замотана черно-белым шарфом. Он сутулится, словно шея и голова тянут его вперед. Обнимает меня, и его колючая грубая борода тычется мне в лицо.

– Не забывай писать, мама твоя больная. По телефону звони, не трави ей душу. Друзья в увольнение поедут – с ними писульку передай.

Его голос дрожит. И сам он дрожит, несмотря на то, что одет для улицы. Он хватается мою руку и что-то сует в нее. Я хочу оттолкнуть его руку, но он говорит:

– Тебе понадобится, там нужно будет что-то купить.

И он, поцеловав, оставляет меня, гасит свет в комнате. Уходит, но, пока не наденет ботинки, дверь не закроет... Так бывает каждый день, и холод вливается в комнату. Я дрожу.

Наконец дверь закрывается, и я смотрю на него через окно. Посреди двора он сильно сморкается и, как бы неуверенно покачнувшись, тянется к стволу голого дерева, вытирает руку о ствол. Но не останавливается, уходит. И даже когда он на улице, я еще слышу звук его шаркающих шагов.

* * *

Получив направление на фронт, я успокаиваюсь. Решаю идти домой пешком. Мне кажется, воздух сегодня пахнет уже иначе. Дует прохладный ветерок. А мороза прошедших дней нет и в помине. Небо – голубое, прозрачное, чистое. Я уже словно бы и не в городе, а на войне. С этого фронта ушел на тот фронт. Мечты мои летят высоко...

– Э, осел, ты о чем задумался?

Я прихожу в себя. Я на проезжей части, и позади меня машина остановилась и сигналист, не переставая. Водитель высунулся из окна и с яростью глядит мне в глаза.

– Что он застыл, как труп, оттащи его!

Кто-то берет меня за руку и тащит с дороги.

Водитель яростно газует и уносится прочь. Я медленно иду дальше по краю дороги. По канаве вдоль улицы течет грязная вода, и канава до половины забита грязью.

– Эй, ты где витаешь?

Я останавливаюсь и чувствую, что готов взорваться. Я его сейчас своими руками задушю – кто бы он ни был. Оборачиваясь, говорю:

– Паренек, мать твою, ты...

Это Али – он хохочет. Я бросаюсь к нему – кулаком собираюсь ему дать по физиономии.

– О Аллах, теперь, значит, я у тебя «пареньком» стал?

Я обнимаю Али и рассказываю о том, что было только что.

– Пойдем-ка выпьем прохладительного, – говорит он.

– В такой холод?

Вместо ответа он хватается меня за руку и тащит к тележке, с которой продают дымящуюся вареную свеклу.

* * *

Звоню в звонок. Мать открывает дверь, Ройя здесь же, держится за ее чадру. Али внутрь не входит, говорит:

– Мне нужно идти, моя старушка уже извелась, что я опаздываю. Будь готов, в четыре часа я за тобой зайду.

Ройя кивает ему и, кокетливо произнося слова, спрашивает:

– В четыре часа куда моего братика заберешь?

Али отвечает, подражая ее выговору:

– Заберу его на фронт, ненаглядного твоего! Я уже сто таких, как он, под воду утащил. И-и-и... В четыре часа куда моего братика заберешь!

Со смехом я толкаю его в бок, выпихиваю на улицу. Возвращаюсь в дом. Мать уже ушла, а Ройя возвращается со мной. Обняв ее, вхожу в дом. Мать накрывает на стол, и я сажусь к столу. Мустафа выходит из комнаты, здоровается и садится рядом со мной. Мать бранит его:

– Чуть подальше не можешь отсесть – чего прилип к нему?

Мать ест совсем немного: я вижу, как ей не по себе. Потом она идет к комоду и вываливает мои вещи. Кладет на пол мой рюкзак и начинает укладывать его. Ройя подходит к ней и сидит рядом так смиренно, будто держит в руках кружку, полную воды. Мать порой смахивает слезу углом платка. Мустафа убрал посуду со стола и опять взялся за уроки. Я прислоняюсь к

стене, потом ложусь. Мать садится так, чтобы всё время меня видеть. А я не могу выдержать ее взгляда. В нем целый мир мольбы и бесконечность надежды. Я притворяюсь, что сплю. Мать подходит ко мне и приносит мой рюкзак. Мустафа спрашивает:

- Мама! А когда братец вернется?
- Тише ты! Не буди. Месяца через два-три.
- Мама! А как становятся шахидами?

В комнате тишина. За окном туда-сюда летают озябшие воробьи и чирикают. Мать говорит:

– Сходи-ка с сестрой своей, возьмите денег из моей сумки и купите что-нибудь братцу в дорогу!

- Что? Что же купить? – спрашивает Мустафа.
- Откуда мне знать! – сердито отвечает мать. – Печенья, например.

Слышу стук закрывшейся двери. Больше никаких шумов. Даже мать не шевелится. Я поворачиваюсь лицом к стене. Мать набрасывает на меня одеяло.

* * *

Я встаю. Ройя бросается мне на шею:

- Проснулся, братец?
- Я складываю одеяло и сажаю Ройю к себе на колено.
- Братец! Угадай, что мы тебе купили?
- Мать наливает мне чаю.
- Я заснул, мама! – говорю я. – А разве мне что-то купили?
- Ройя отвечает мне кивком.
- Ты скажи, какой оно формы, – предлагаю ей, – и я угадаю.

Мать встает, переносит мой рюкзак к дверям и возвращается. Оправляя платье, садится возле самовара. Ее поведение кажется мне странным. Словно она сама не знает, что делать. Говорит:

- Я тебе всё сложила.
- А сама не смотрит на меня, занялась фитилем самовара. Потом говорит Мустафе:
- Подай-ка чай своему брату!

Мустафа и не думает ворчать. Берет стакан и приносит его мне. А мать плачет и хочет скрыть это от меня. Ройя приближает ко мне лицо, чтобы я обратил на нее внимание. Показывая ручками, объясняет:

- Вот так будет две пяди, а вот так – одна пядь, чуть-чуть поменьше.
- А вкус какой? – спрашиваю я.
- У-у! – она облизывается. – Такая вкусная, что и слов нет!
- Я с притворным изумлением распахиваю глаза:
- Жвачка?

Она заходится смехом. Крутя головой и жестикулируя, внушает мне:

- Да посмотри же... Разве жвачка вот таких размеров бывает?
- Она выскальзывает из моих рук и бежит к рюкзаку, но мать останавливает ее:
- Стой, я сама достану, иначе ты всё тут перевернешь.

Ройя протестует:

- Я сама ему достану. Я же сбоку положила.

Мать открывает рюкзак и дает ей в руки пачку печенья. Ройя подлетает ко мне и подносит печенье к моим глазам:

- Смотри!

Я переодеваюсь в форму цвета хаки. Мустафа говорит:

- Братец, не забудешь мне привезти осколки?
 - Я ведь привозил тебе уже. Куда ты их дел?
 - Ребята все расхватали. И один учителю отдал.
- Мать места себе не находит. Суется тут и там.

Положила на поднос и двигает на нем зеркало, Коран, чашку с рисом, кружку, полную воды, стебелек цветка, вырванный из горшка. Я встаю, и она плачет. Поднимает поднос возле дверей. Нагнув голову, я прохожу под ним, а Ройя и Мустафа смотрят во все глаза. Поворачиваясь и еще раз прохожу под подносом. Ройя стоит, вытянувшись в струнку, и вдруг начинает реветь. Я целую ее, а Мустафа смотрит исподлобья. И мне тоже спазмы сжимают горло. Мать ставит поднос на пол и бежит в комнату. Мы выходим во двор, и мать тоже спешит к нам, надев чадру. Я вскидываю рюкзак за спину, гляжу на Ройю, которая уткнула лицо в стену и рыдает. Сажусь перед ней на корточки, кладу ей руки на плечи, обнимаю ее. Она закрыла ручками лицо и плачет. Целую ее. Она трет глазки кулачками. Поднимаю ее и несу с собой к двери. Потом ставлю сестру на землю и обнимаю мать. Мать повторяет:

– Письма... Письма не забывай – пожалей нас. Мать твою пожалей, этих детей пожалей, не убивай меня! Не забывай писать!

Я выхожу из дома. За спиной у меня плач, рев и слезы. Шагаю вперед, а идти так тяжело, будто глину ногами месишь. Ноги тяжелые, словно свинец на них повешен. Но я ухожу и не оборачиваюсь. Спазм сжимает мне горло, душит меня.

Ройя зовет меня, тогда я поворачиваюсь. Мать выплескивает вслед мне воду из кружки. Ройя бежит ко мне, и я сажусь перед ней на корточки. Она обнимает меня за шею и целует в обе щеки:

- Братец скоро вернется!
- Скоро-скоро вернусь.

Я вытираю ей лицо и встаю на ноги. И больше уже не оборачиваюсь. Я знаю, что, пока меня можно видеть, они будут смотреть мне вслед, а потом вернуться в дом. Дом стал безмолвным кладбищем, и до вечера в нем не раздастся ни звука.

Глава вторая

Ход поезда замедляется. По обеим сторонам назад проплывают дома. Сначала одиночные, а чем дальше, тем их всё больше: сгрудились кучами, совсем убогие. Словно нищие, собравшиеся из разных мест: хмурые, забитые, в заплатках.

Из переулков выскакивают мальчишки и бегут к рельсам, но поезд оставляет их позади. Из следующих улочек также выбегает ребятня, у некоторых камни в руках. Замахиваются на нас камнями и что-то кричат; наверное, швыряют в поезд камни и ругательства одновременно.

Дальше я вижу корявое дерево, склонившееся к земле. Под ним стоит девочка. Ее длинные волосы треплет ветер, а одета она в красное платье в цветочек. Взглядом пожирает окна вагонов. Поднимает руку, но сама же и останавливает этот жест. Секунду колеблется, а потом всё же машет нам. Мы проезжаем мимо, и я вытягиваю шею, чтобы видеть ее. Она уже далеко, но машет всем вагонам.

– Идем?

Али поднимается с места. Берет свой рюкзак с полки наверху, кидает мне мой рюкзак и рычит:

– Шевелись давай, сколько можно дрыхнуть?

Я встаю на ноги. На всем моем теле – ощущение сальности. Ищу ботинки на полу купе, потом выдавливаю из себя:

– Идем!

Али выходит из купе, я за ним. В коридоре стоят люди с рюкзаками в руках. Образовалась очередь, и мы стоим в ней, ждем, пока поезд остановится и откроются двери. Али оборачивается ко мне:

– Это Андимашк. В городе надо ребятам купить чего-нибудь.

Я не отвечаю. Он отворачивается и смотрит в окно. Впереди него стоит солдат с сигаретой в зубах. Вертит головой туда-сюда и всё время дымит. Я кашляю. Али смотрит на меня и говорит:

– Хорошо, когда люди думают о других людях.

Голос его тонет в скрежете тормозов – резком и долгом. Поезд с толчком останавливается. Толпа давится к выходу. Двери открывают, и мы все прыгаем вниз.

Поток цвета хаки несет нас к выходу из вокзала. Я отдаюсь на волю толпы, и она поднимает меня и выбрасывает из дверей вокзала. Первое, что я вижу снаружи, – это большая площадь, вся заполненная народом, солдатами и гражданскими, стоящими в очереди к билетным кассам. А сбоку площади цепочкой – автобусы, замазанные глиной.

– «Хамзе-21»... Дивизия «Хамзе-21» – погрузка! Эйн-Хош, дивизия «Хамзе-21» – грузимся!

Мы проходим мимо. Несколько солдат лезут вперед других, чтобы загрузиться в автобус. Мы сворачиваем к тротуару, и Али начинает шагать нетвердо и говорить жалобным, как бы детским голосом:

– Братец дорогой! Гляди, ребята там в пустыне, пить-есть нечего, ай-ай как жалко! Все ждут, пока ты приедешь. Разве ты им сладенького не купишь?!

Я наклоняю голову и искоса гляжу на него. Он останавливается и делает лицо, не допускающее возражений. По виду его я понимаю, что он хочет, чтобы я купил сладкого. Я говорю:

– Если это обязательно, я куплю.

И шагаю дальше. Он нагоняет меня и идет плечом к плечу, и говорит:

– Нет-нет, принудиловки нет. Я говорю: несчастным добровольцам, ребятам из взвода, тем, которые бросили дом и добро и пошли на войну в эти края, для них купи сладкого. Я неверно говорю? Аморально говорю? Спаси Аллах, не знаю: решать тебе. Хочешь, купи,

хочешь, нет... Но праведному Аббасу я скажу, когда будем проходить по мосту Сират⁷, я ему крикну: тому неверному я говорил, но он не внял! Так что думай сам!

Он на миг останавливается и смотрит мне в глаза, чтобы оценить эффект своих слов. И с лица моего взгляд его скользит к небу, и он продолжает:

– Да стану я твоей жертвой, о имам нашего времени! Сколько несчастных в твоей стране! Причем среди солдат, это же стыд и срам! Крови им не жалко, а денег жалко. Он – из тех людей, что бросили имама Хусейна одного в Кербеле! Задули свечу и ушли... Да хоть бы бороды их загорелись! Хоть бы Аллах их не простил! Иншалла, когда будут стоять в очереди на Страшный суд, пусть в затылок им стоит Йазид⁸, а перед ними – Саддам. Когда ангелы в час творения увидели таких, как уважаемый господин, они крикнули: «Фабрика творения выпустила брак!» Ну и люди, не люди, а звери, просто звери...

Я заставляю его опустить руки, поднятые к небу, и говорю:

– Ты что при всём народе ораторствуешь? Пойдем, я куплю тебе сладкого. С полным моим удовольствием, от чистого сердца. Несчастливым добровольцам вроде тебя. Вопросов нет.

Он смеется. Обеими руками берет меня за голову, притягивает к себе и целует. И восклицает:

– О Аллах! Так бы сразу и сказал, а? Ни себя бы не мучил, ни меня!

Мы перебираемся на другую сторону улицы. Али направляет меня:

– Сюда! Кроме того магазина все остальные под видом сладостей торгуют хлебными лепешками!

Мы доходим до центральной площади города. На другой ее стороне – единственный в городе кинотеатр, возле которого несколько человек разглядывают киноафиши. Отсюда Али тащит меня на улицу, где нам надо сесть в машину, чтобы добраться до фронтового лагеря. А на пути – кондитерская, витрину которой он обшаривает взглядом.

– Погляди, погляди, какие у них сладости!

Мы заходим внутрь. За кассой стоит старик, а мальчик готовится нас обслужить. Али с озорным видом потирает руки и спрашивает:

– Какое у вас самое дорогое пирожное?

Мальчик смеется и спрашивает старика:

– Остад⁹, что им дать?

Хмурый старик указывает на пирожное в холодильнике, и Али спрашивает меня:

– Братец, сколько возьмем?

Я не спешу отвечать. Пожав плечами, говорю:

– Тебе решать. Сколько хочешь, столько и возьмем.

Он подмигивает мне и говорит:

– Пять кило взвесь.

– Пять кило? – невольно восклицаю я.

Старик раздраженно останавливает мальчика:

– Ничего не взвешивай! Пусть сначала примут решение.

Али быстро говорит:

– Три килограмма. Три кило взвесь.

Мальчик складывает пирожные в коробку и отдает старику-продавцу. Тот кладет ее на весы и хмуро объявляет:

– Четыреста семьдесят туманов.

Али с вежливым жестом говорит мне:

⁷ *Мост Сират* — мост через геенну, который могут перейти только праведные.

⁸ *Йазид* — омейядский халиф Йазид I ибн Муавийа, враг имама Хусейна.

⁹ *Остад* — учитель, наставник.

– Пожалуйста, ваша светлость!

Я расплачиваюсь, и мы выходим. Идем к площади на выезде из города. Отсюда в одну сторону – дорога на Дизфуль, в другую – на Ахваз. В ряд выстроились микроавтобусы и пассажирские легковушки.

– Сузы... Сузы...

– Ахваз... Два места на Ахваз...

– Мост через Керхе! Торопитесь: отъезжаем на мост через Керхе!

У одного водителя, высунувшегося по грудь из окна своего «Пейкана», Али спрашивает:

– Сколько берешь?

– Двадцать туманов.

– Двадцать туманов? Ты что, на перевале караулишь – разбойник?

– Али, Али!.. Насер, Али!

Кто-то зовет из микроавтобуса там, впереди. Мы подходим, и Али восклицает:

– О-о, Асгар здесь!

Асгар тянется к нам через окошко автобусика.

– Салам, Насер, ты как здесь?

Асгар – ротный связной. Он высок и неуклюж, а длинные ноги его всегда напоминали мне жирафы. Мы быстро садимся в машину и крепко с ним обнимаемся.

– Где ты был, чего так припозднился?

Али зовет нас с заднего сиденья:

– Идите сюда!

Мы пересаживаемся к нему. Асгар не может сидеть с краю, ноги не помещаются, и Али шутит:

– С твоими ногами одно хорошо: можно финики прямо с пальмы есть!

Мы смеемся и говорим о лагере и о ребятах. Наконец автобус наполняется и трогается. В нем все военные, кроме двух женщин, причем одна из них с ребенком на руках – они сидят впереди, за водителем, и по их виду ясно, что они не местные.

– В город зачем приезжал?

– Кое-что купить ребятам.

Асгар наклоняется к нам и негромко говорит:

– Все отпуска отменены, даже в город не дают. Вчера вечером разрешили мне съездить и быстро вернуться. Рано утром снабженцы сюда подкинули на своей машине.

Я смотрю в окно: насколько хватает взгляда, везде пустыня. Кое-где видна зелень. Рельеф плоский, и кажется, будто у горизонта земля пришта к небу. А с другой стороны, со стороны Хорремабада, сплошь холмы и горы, темная гряда их покрыта туманом.

Микроавтобус сворачивает с главной дороги в сторону моста через Керхе. Река Керхе всегда имеет цвет глины и песка: ни разу я ее воду не видел прозрачной. Асгар рассказывает:

– Хейдар уже два-три дня как уехал вперед. Там и будет, и амуницию, вещи свои забрал. Рюкзак отдал мне, чтобы я его сдал. По его разговору с Хусейном я понял, что он в лагерь не вернется.

Хейдар – заместитель командира нашей роты. Он очень толст и массивен, на его размер нет форменной одежды. Ему выдают материю, и он сам себе шьет. Носит курдские шаровары, и, когда идет, кажется: гора мяса двинулась в путь.

Мы прибыли и выходим из автобуса. Дальше частные машины не идут, только военные. По обеим сторонам шоссе женщины и мужчины в гражданской одежде сидят на разных подстилках и ждут, глядя на мост. Они приехали порой очень издалека и просят и умоляют любого, кто идет в сторону фронта, передать бумажку с именами, сообщить солдатам, что они ждут здесь, на этой стороне реки. Обычно там написан и их адрес, по которому видно, что они изда-

лека. Они ищут своих детей, отцов, женщины – мужей. Порой по многу дней так ожидают... Али спрашивает меня:

– Помнится, и твой отец приезжал?

– Да, бедняга, – отвечаю я с неловким смехом. – Два дня тут маялся...

Две женщины, которые ехали с нами, подходят к мужчине и женщине, сидящим возле шоссе.

– Ну как, не приходил?

– Нет. А вы купили?

– Ага... – женщина показывает банку сухого молока...

Часовой проверяет наши бумаги и пропускает нас. Еще один часовой в красном берете ставит на наши пропуска печать, и мы идем через мост. На той стороне солдаты стоят возле вывески: «Лагерь „Коусар“¹⁰».

– Вот она, дорога наша, – говорит Али. – В лагерь ведет.

Рюкзак Асгара тяжелый, он запыхался. Мы стоим и ждем рядом с другими, и вот с моста съезжает пикап и сворачивает в нашу сторону. Мы машем ему и, похватав свои рюкзаки, бежим садиться. Машина остановилась, и те, кто без вещей, первыми впрыгивают в нее. И Али быстро запрыгивает, берет у меня рюкзак и мне самому помогает влезть в кузов. Коробка с пирожными – предмет его особых забот. Асгар же одну свою длинную ногу ставит прямо в кузов и забирается без посторонней помощи. Весь кузов занят, и кто-то стучит по кабине:

– Полно, поехали!

Но водитель не торопится. Выйдя из кабины, он говорит:

– Приказ штаба дивизии брать в кузов не больше восьми человек. Троице придется сойти.

Мы переглядываемся. Али берет свой рюкзак и спрыгивает.

– Слезайте, парни, на следующей поедом.

Я сидел возле бортика и, опершись на него, спрыгиваю. Как сошел Асгар, я понятия не имею. Водитель садится в кабину, а кто-то из кузова кричит:

– Браток, браток! Ты рюкзак оставил!

Машина трогается, но мне успевают выбросить мой рюкзак, и я его ловлю. А коробку с пирожными Али держит перед грудью и замечает:

– Хорошо, что эту не оставили!

Подъезжает еще один пикап, и мы ему даже не машем, он сам останавливается. Все трое запрыгиваем в кузов. Али с азартом кричит:

– Поехали! Поехали...

Я смотрю в заднее окошко кабины. И водитель смотрит на нас в зеркало заднего вида, потом выходит. Его длинные волосы всклокочены и частично закрывают костлявое лицо. Лицо его покрыто слоем пыли, от чего ресницы белесые. Одной ногой он стоит на подножке, рука в бок, другая рука опирается на дверцу. И манерным тоном объявляет нам:

– Прошу их высочества сойти... Я опаздываю, прошу вниз, у меня работа есть.

Мы смотрим на него в замешательстве. Его глаза сужаются, и, садясь в кабину, он повторяет:

– Покорно прошу выйти из кузова.

Али берет коробку с пирожными и бормочет:

– Машина, похоже, в его частной собственности.

Мы спрыгиваем. Стоим растерянно и ждем, пока уедет. Но водитель, нагнувшись, открывает дверцу с нашей стороны и громко говорит:

– Садитесь, наконец, я же сказал: опаздываю.

¹⁰ *Коусар* — название райского источника.

Мы залезаем в кабину: хотя и тесно, но кое-как помещаемся. Водитель с силой врубает скорость и спрашивает:

– Скажите, когда кабина пустая, разве садятся в кузов? Это же Господу обида, класс человека понижается...

Он едет по краю асфальтового шоссе. Я всматриваюсь в его лицо. Оно высохшее, худощавое, ворот рубахи цвета хаки расстегнут, и оттуда торчат курчавые волосы на груди. Арафатка¹¹, чаще всего черно-белая в клеточку, у него имеет рисунок в форме черно-белых цветков. Платок свободно болтается на плечах. С рулем машины этот водитель просто играет и напевает что-то негромко, и пальцем отбивает ритм. Я замечаю татуировку между его большим и указательным пальцами; присматриваюсь и читаю: «Я люблю тебя, мама». Мне становится смешно, и он это замечает, спрашивает:

– Похоже, вы все только что сюда прибыли?

– Ну да, – отвечаю я. – Кроме вот него, – и указываю пальцем на Асгара.

Подняв брови, водитель оглядывает нас и спрашивает:

– Ноль километров или повторный рейс?

– Повторный, – отвечает ему Асгар со смехом.

Водитель скалится в улыбке, а Али, отвернувшись, молча смотрит в окно. Водитель вновь что-то напевает: я слышу мелодию, но не разбираю слов. Машина ухает в яму, и мы взлетаем с сиденья и стукаемся головами о крышу. Водитель, вырулив из ямы, лупит кулаком по рулю, восклицая:

– Драконья пасть! Целиком можно провалиться!

Потом, искоса глядя на нас, он рассказывает:

– Три-четыре дня назад Аллах нас не уберег: небеса разверзлись, и хлынул ливень. Всё смыло начисто! Э-э... Посмотри! Клянусь имамом Али, дорога была ровной-ровной, а теперь? Смотри, что стало? Кого нам за это благодарить?

Али отрывает свой взгляд от холмов и принимает вид кающегося грешника.

– Когда ты сказал: спрыгивайте из кузова, я у тебя за спиной тоже кое-что сказал. Говорю: машина, наверное, в его частной собственности.

Водитель продолжает крутить руль туда-сюда, объезжая рытвины, и отвечает:

– Ничего страшного, молодой человек!

Я смотрю на него и вижу, что он воодушевился. Он продолжает:

– Если бы это была моя собственность, я бы тебе подарил ее – за честность твою, за мужество! Человек не должен в себе слова таить. Клянусь имамом Али, мужчина – это не двадцать граммов мяса в брюках, мужчина – это нечто другое, это внутри человека!

Он замолкает, следя за дорогой. Мне кажется, что я покраснел от его откровенных слов. Смотрю в зеркало наверху и вижу лицо водителя: глаза его в глубоких глазницах налились кровью, они покрыты густой сетью красных прожилок.

Шоссе, словно черный ремень, опоясывает гору, потом поворачивает к лагерю. Когда лагерь открылся нам, я буквально впиваюсь в него взглядом. Зрелище этой военной базы стерло все слова, что были для нее в моей памяти; оно красивее в действительности, чем та картина, что жила во мне. Сколько хватает глаз, круглятся холмы, и на этих холмах и в ложбинах меж ними воздвигли палатки. Асгар показывает, где какой батальон и какая часть. Я чувствую, что снова стал военным. Я среди батальонов, среди солдат и техники, среди грозного блеска войны. На развилке машина сворачивает, и Асгар говорит:

– Мы здесь сойдем.

¹¹ *Арафатка* (куфия) – мужской головной платок для защиты головы и лица от солнца, песка и холода. Название «арафатка» получил в русскоязычных странах в конце 1980-х годов, когда на телеэкранах часто появлялся лидер палестинцев Ясир Арафат, неотъемлемой частью образа которого была куфия.

– Спасибо, брат! – говорю я водителю. – Да не оскудеет рука твоя.

– Из какого вы батальона?

– «Салман». Батальон «Салман», – отвечает Асгар.

Почесав нос, водитель объявляет:

– Недалеко осталось: на том холме... Мне стыдно перед такими вежливыми людьми, но остаток пути придется идти уставным шагом!

– До свиданья! – негромко говорит ему Али и выпрыгивает из машины.

Водитель, не обращая внимания на нас с Асгаром, включает передачу и говорит Али:

– Давай, парень! С Богом!

И машина уносится прочь, оставляя нас в клубе пыли. Однако я успеваю прочесть надпись на заднем борту: «Господу нравится, когда богатых потрошат».

– Вон она там, наверху, – говорит Асгар, – наша часть.

Повсюду виднеются палатки и разноцветные флаги над ними. Мы прибавляем шаг. Впереди весь склон холма изуродован колесами – громадным количеством проезжавшего здесь транспорта.

– Красота, да и только! – говорит Асгар.

Али с тех пор, как мы сошли с машины, молчит и держится отдельно от нас. Уходит вперед и, когда чувствует, что мы его догоняем, прибавляет шаг.

Мы поднимаемся по склону холма, и у меня перехватывает дыхание. Совсем чуть-чуть осталось до вершины. И вскоре мы окажемся среди палаток нашего батальона, лицом к лицу с ребятами. Сердце мое стучит учащенно – словно кто-то кулаком бьет в грудь изнутри. Я думаю о том, кого мы первым увидим, за каким занятием, что я скажу, и что скажут мне?

– Если... Если устал, присядем.

Это первые слова, которые сказал Али после того, как сошел с машины. И я, словно только и ждал этих слов, валюсь на землю. Асгар говорит:

– На вершину поднимемся, увидим палатки батальона направо, первая палатка – первый взвод, все ваши ребята там.

Я растянулся на спине, положив голову на камень. Облака – словно из ваты – тянутся друг за другом. Эти облака прекрасны, они только украшают небо. Даже Ройя не боится таких облаков. Она умеет в их формах разглядеть разные вещи и показывает их мне. Надеюсь, Мустафа не будет ее игнорировать.

– Идем?

– Идем! Кстати, Асгар, я дня два-три назад заходил к тебе, твой отец сказал, что ты на фронте.

Я закидываю за плечи рюкзак и иду дальше вверх по склону. Али ушел вперед, мы с Асгаром отстали. Его длинные ноги воют с мелкими и крупными камнями. Я смотрю вверх. Там небо с разбросанными белыми облаками. И виден флажок с красным флагом, что на нем написано – мне не разобрать. А вот и палатки. Самая большая – в центре. В расположении батальона безлюдно.

– Вон та палатка – хусейние¹², эти – батальонные.

Палатки высоки и вместительны, каждая является спальным общежитием на взвод из тридцати человек. Между палатками и небольшим оврагом – цистерна с водой, поодаль – туалетные кабинки фабричного производства. Кто-то выпрямляется и встает перед цистерной с водой. Его рукава закатаны, и руки мокрые. Я говорю Али:

– Это же Масуд!

¹² *Хусейние* — особое помещение, в котором происходит обряд оплакивания имама Хусейна и иногда устраиваются религиозные мистерии.

Масуд поднимает таз с тарелками в нем и направляется к крайней палатке. Увидев нас, останавливается. Ставит таз на землю и бежит к нам.

– Добро пожаловать, салам! – говорит он и бросается в мои объятия. – Поистине добро пожаловать, ребята ждали тебя, задержался ты!

Я кладу голову на одно его плечо, на второе. Он берет мою голову руками, смотрит мне в глаза и спрашивает:

– Как экзамены прошли?

– Спроси у него, – я указываю на Али.

Али, улыбнувшись, хлопает меня по плечу:

– В конце концов, война ведь! Она не даст тебе сдать всё до конца!

Из-за крайней палатки кто-то выглядывает. Это Мирза. Хотя мы стоим близко друг к другу, я поднимаю руки и приветственно машу ему. А он меня как будто не узнает, смотрит удивленно.

– Пойдем в палатку, – говорит Масуд. – Сейчас ребята вернутся. – Потом он добавляет громче: – Ага-Мирза, не узнал? Это Насер!

Мирза медленно-медленно идет к нам. Когда он делает шаг, его тело как бы отстает, а потом, догоняя, словно падает вперед. Его движения очень неловки, и всякому, кто его впервые видит, кажется, что он вот-вот упадет. Рукава его закатаны, а руки черны от смазки.

– На-насер, до-дор-рогой, са-салам! Све-вет очей моих. До-добро пожаловать!

Произнеся каждую фразу, он останавливается и изумленно смотрит на меня, полуприкрыв глаза. Он шагает ко мне, а потом садится на землю.

– Сто-стой там, ду-душа моя! Я са-сам к тебе по-подойду, гу-гусиным ша-шагом.

Я подбегаю к нему и подхватываю под мышки, поднимаю с земли.

– Ты что, Ага-Мирза, я в твоём распоряжении... Мы все твои слуги, вставай, дорогой!

Мы с ним обнимаемся. Он ухитряется при этом не коснуться меня грязными кистями рук. От него пахнет керосином.

– Как ты тут, Ага-Мирза?

– Да бу-буду я т-твоей же-жертвой! Жи-жизнь за тебя от-отдам! К-клянусь п-праведным Аббасом, я то-тосковал по тебе. А Али ка-какой мо-молодец: спа-асибо, Али, что па-привез его!

– Пойдемте в палатку, – говорит Масуд. – Ребята с утра как ушли на марш-бросок, так еще и не возвращались.

Мирза всё обнимает меня. Его выступающий жесткий подбородок давит на мой висок. Ему двадцать лет, и у него очень большие глаза, украшающие его необычное лицо. Масуд идет за тарелками, а мы входим в палатку. Я освобождаюсь от объятий Мирзы и кричу вдогонку Масуду:

– Ты дневальный, похоже?

– Нет, друг мой, Ага-Мирза дневальный. Я так, с посудой помогаю.

Мирза хохочет:

– Ах ты-ты не-ба-благодарный!

Рядом с палаткой первого взвода стоит разобранный керосиновый обогреватель. Мирза садится возле него и говорит:

– За-заход-дите внутрь, я до-доделаю и п-приду.

– Асгар, заходим! – говорю я.

Но тот прощается с нами, и мы заходим в палатку вместе с Али. Спят ребята прямо на полу, и весь пол застелен разноцветными одеялами: у каждого одеяла свой цвет и рисунок. На одеяле в центре палатки изображен рычащий леопард. Ближе к стенкам рядами тянутся рюкзаки, и каждый рюкзак обозначает чье-то место. Али прямо идет к рюкзаку в конце палатки и ставит рядом с ним коробку с пирожными. При этом он что-то достает из рюкзака и говорит:

– Это аджил¹³. Матушка положила мне в дорогу, еще когда я ехал сюда, и вот до сих пор цело!

Я высовываюсь из палатки:

– Ага-Мирза, иди, орешков поедим!

– Ид-ду, – доносится его голос. – Уже за-заканчиваю.

Масуд взял горсть орешков и сказал:

– Али не выдержал, поехал за тобой.

– Хороший друг так и познается! – говорю я со смехом. – А с плохим другом я бы в преисподнюю не поехал.

Снаружи палатки слышен голос Мирзы:

– Е-если хо-хочешь в п-преисподнюю, по-попробуй не по-подчиниться ем-му. Для твоей по-пользы го-говорю, На-насер. Мы-мы с-сказали, те-тебе д-де-лать вы-вывод.

Али собрал в кучку шелуху от орехов, положил ее на одеяло и ответил Мирзе так:

– Хорошо, что тебе Аллах дал только пол-языка. А был бы ты речист и всем понятен – ох, посмотрел бы я на тебя!

Мы все смеемся, а Масуд громко говорит:

– Ага-Мирза, Али, видно, захотел кипяточку?

Слыша смех Мирзы, я удивленно спрашиваю:

– А что тут еще были за проделки?

– А разве тебе Али не рассказывал? – спрашивает Масуд.

– Нет, а о чем речь? – я вопросительно гляжу на Али.

Али хохочет как бешеный, и Масуд просит его:

– Али, сам расскажи ему!

Али говорит:

– Несколько дней назад Мирза пошел во второй взвод, и там один парень его высмеял. Мирза ничего ему толком не ответил...

– Как обычно! – прерываю я.

– Ну да... Но вскоре этот раб Божий стоит в очереди в туалет. Очередь подходит – а у него воды нет¹⁴! Он – к цистерне, там-то Мирза его и перехватил. Говорит: давай «умывальник», я тебе воды принесу. Тот отдал и в туалет. А Мирза – бегом в палатку, и «умывальник» наполняет кипятком! И отдает тому через занавесочку. Я как раз тогда спал в палатке. И клянусь тебе, этот бедняга такой вопль издал, что все из палаток повыскакивали! Я во сне подскочил на метр! Как увидел, что ребята все бегут из палатки, подумал: бомбежка или обстрел!

Я от смеха чуть не падаю. Масуд дополняет:

– Али кинулся наружу из палатки и кричит: «Все в окопы! Не иначе, кассетные бомбы кидают!»

Али искоса смотрит на Масуда и говорит:

– Если так разбудят, то и не удивительно! Этот парень так заверещал, словно бомбы взорвались – что же мне оставалось?

Мирза сует голову в палатку и добавляет:

– К-клянусь, хо-хотел в «ум-мывальник» з-за-лить ак-кумуляторную кис-слоту – ж-жаль, ее н-не было.

Я со смехом бью Али по плечу:

– Вот это урок!

Масуд смеется негромко. Я спрашиваю:

¹³ *Аджиль* — смесь поджаренных соленых фисташек, фундука, очищенных земляных орехов, миндаля, гороха, тыквенных и дынных семечек.

¹⁴ В мусульманских странах вместо туалетной бумаги используется вода из водопроводного крана либо приносимая с собой в особых сосудах – «умывальниках для подмывания».

– А сейчас? Сейчас этот парень где?

– В своей палатке, – отвечает Масуд. – Бедняга, как те, кто после обрезания, забинтованный лежит и не встает. Стыдно ему наружу выходить!

Мне уже больно от смеха. Выхожу из палатки и растягиваюсь на земле рядом с Мирзой. Тот, поправляя фитиль обогревателя, замечает:

– С-смотри, не взо-взорвись! Али по-под-ду-мает, б-бомб-бежка на-нач-чалась.

Приложив обе руки к груди, я говорю:

– Мы твои слуги, Ага-Мирза!

– Бу-будьте, по-пока я вас не ув-волил, – отвечает он и смеется с некоторой принужденностью, и смотрит мне в глаза: не обиделся ли я. Потом закрывает крышкой обогреватель и говорит:

– Х-холодно, по-пойдем внутрь, п-простудишься.

– Иду, – откликаюсь я и смотрю в небо. Несколько перелетных птиц цепочкой летят на юг.

* * *

Я сел на большой камень, которым закреплена одна из растяжек палатки. Холодает. Беспокойный ветер плющит траву на холмах. Небольшая колонна бойцов там, внизу, удаляется от лагеря. Их не больше взвода.

– Тут сидишь? Заходи в палатку!

Я оборачиваюсь: это Масуд.

– Вышел наружу оглядеться, – отвечаю ему. – На этот раз для лагеря хорошее место выбрали.

Он садится на землю напротив меня, хотя я отодвигаюсь в сторону на своем камне.

– Сиди, не беспокойся, – говорит мне, но я встаю с камня и сажусь на землю рядом с ним.

Его каштановые прямые волосы зачесаны направо. Большие глаза под густыми черными бровями кажутся темнее, чем были раньше. Борода была мягкой порослью, теперь стала жестче. Он хранит такое выражение лица, по которому нельзя прочесть, радостен он или печален.

– Али очень за тебя переживал. И ребята очень ждали тебя. Знали, что ты обязательно вернешься до начала боев, но Али был сам не свой. В конце концов вырвал себе увольнение и поехал. А пока Хейдар тут был, все уговоры были напрасны.

– Хейдар уехал? – спрашиваю я.

– Да, вот уже несколько дней. Все говорят: поехал вперед на рекогносцировку района боев. Но его характер ты знаешь: пока от него чего-то добьешься, он тебя насмерть замучает. То говорит Али, увольнение тебе сделано, иди собирай рюкзак, потом говорит, нет, не вышло. Потом сказал: ты должен дать слово, что вернешься не один. В общем, помытарил Али. Кстати, он уехал в своих пятнистых шароварах, а ребята говорят: он ушел на первую линию. Встретит нас на новом месте.

Обычные брюки не налезают на Хейдара, и он всегда носит шаровары курдского фасона. Те, что с леопардовыми пятнами, предназначены специально для боев. В иных случаях он их не надевает. Я спрашиваю:

– Опять ребят загонял этими марш-бросками?

– Есть такое дело, – отвечает Масуд. – Десять дней назад совершили пеший марш в Сузы. Шли восемнадцать часов. Потом неделю ребята мозоли лечили.

Всякий, кто впервые видит Хейдара, считает его малоподвижным, так же и я сначала думал. Но в длинных походах все валяется с ног, а он свеженький.

Из долины внизу слышится стрельба: солдаты тренируются. Там насыпь, которую они берут штурмом, забрасывают ее гранатами и преодолевают, потом возвращаются и повторяют то же самое.

– Мы все с ребятами перешли в первый взвод, хотя Хусейн пытался нас разделить. Требовал, чтобы некоторые перешли к Абулфазлу, во второй взвод. Ребята не согласились... – Помолчав, Масуд продолжает: – Абулфазл стал командиром второго взвода, и, мне кажется, Хусейн хочет тебя к нему отправить.

– Зачем, почему меня?

– У него одни новички. Абулфазл говорит, без помощника ему трудно. Пару дней назад говорил, если ты приедешь, возьмет тебя к себе.

Опять слышится стрельба. Солдаты бегут в атаку, стреляют и кричат «ура». И берут насыпь штурмом. Нас окликают Мирза.

– Ча-чай г-готов, ув-важаемый Масуд-хан! П-прошу вас!

...Мы всё еще пьем чай, когда после марш-броска возвращается батальон. Я гляжу на них через щель входа в палатку. Хусейн с красным шрамом на лице дает команду «вольно, разойдись». И строй солдат вдруг рассыпается. Они выглядят усталыми. Я вижу Мехди, как всегда, аккуратного в том, как сидит на нем одежда и военное снаряжение. У него круглое лицо, каштановые волосы и приземистая широкоплечая фигура.

Али выходит из палатки.

– У, ребята, Али приехал!

– Здравствуйте, Али-ага!

Ребята окружают Али, а Мехди идет прямо в палатку. Я отступаю в сторону от входа. Он заходит, и мы обнимаемся. Я чувствую знакомый запах всех ребят-однополчан.

* * *

Поднявшись наверх холма, я ускоряю шаг. Палатка канцелярии штаба стоит рядом с крутым обрывом. Вход в нее – со стороны солнца, и клапан входа откинут. Двое стоят возле палатки и разговаривают с кем-то внутри нее.

– ...Сколько дней идет?

– Сегодня вечером отправим... Дойдет послезавтра.

– Тогда давай две напишем.

Тот, кто внутри палатки, дает стоящим рядом с ней два листка бумаги. На них что-то написано сверху, и я, приглядевшись, читаю: «Телеграмма „салавати“»¹⁵.

– Слушаю вас.

Это он говорит мне, и я отдаю ему мое направление на фронт. Взяв его, он продолжает говорить тем двоим:

– Не больше тридцати слов. Если больше, то не возьмут.

Взглянув на мой листок, он мне его возвращает:

– Батальон укомплектован, больше никого не берем.

И, не дожидаясь моего ответа, он идет к зарядному ящику оливкового цвета, полному бумаг и деловых папок.

– Брат, я из числа старых бойцов батальона, – говорю я ему.

Он раздраженно оборачивается.

¹⁵ В годы Ирано-иракской войны многие бытовые услуги в тылу, предназначенные для фронта (пошив военной формы, ремонт боевой техники, производство продовольствия и т. п.), оказывались не за деньги, а за прочтение благодарственной молитвы – салавата. Таким образом люди, по разным причинам не имевшие возможности непосредственно участвовать в боевых действиях, старались оказать посильную помощь сражающимся на передовой.

– Я из ребят роты «Гейс»...

У него сильно выпирают и живот, и ягодицы, что делает его фигуру необычной.

– Приказ батальона не брать больше людей. Приказ командования.

Он указывает мне на другую палатку:

– Вон их палатка, обратись к ним, если разрешат, приходи.

Я выхожу из палатки. И вдруг мне захотелось вернуться и добавить что-нибудь. И я возвращаюсь. Он поднимает голову от бумаг и вопросительно смотрит.

– Ты из новеньких, недавно в батальоне? – спрашиваю я. Невольно мой тон изменился.

– То есть как? А в чем дело?

Он уже смотрит на меня как на врага.

– Да ничего, просто я раньше вас не видел. Думаю, ты из тех, что были призваны во время «шестимесячной принудительной мобилизации».

Я намеренно сделал ударение на слове «принудительной».

– А в чем вопрос твой? – он идет ко мне, поправляя португеею, но я не стал разьяснять ему суть вопроса. Вышел из палатки и направился к той, которую он мне указал.

Рядом с ней стоит красный спортивный мотоцикл. Я окликаю: есть ли кто в палатке, и мне отвечают, что есть.

– Заходите!

Но я жду снаружи, пока кто-нибудь выглянет. Клапан отодвигается, и я вижу лицо Гасема, батальонного связного. Удивленно уставившись на меня, он выходит из палатки.

– Ты когда приехал?

Мы с ним обнимаемся.

– Утром, сегодня утром... А Хадж-Носрат на месте?

Гасем одет как курсант военного училища, португеея плотно облегает его талию, что делает его еще стройнее. Отглаженные брюки и гетры, средний рост и спортивная фигура... Он меня всего-то на пару лет старше.

– На месте, – отвечает. – Заходи, сейчас скажу ему.

Он уходит в палатку, и вскоре я слышу голос Хадж-Носрата, зовущего меня войти. Пригнувшись, Гасем опять выходит наружу и, взяв меня за руку, втаскивает внутрь.

– До чего умные все стали, – шутливо говорит мне Хадж-Носрат. – Прибывают впритык к боевым действиям!

Я отдаю ему свой командировочный листок, и он, продолжая сидеть, читает его и что-то пишет на обороте. Он среднего роста, широкоплеч, у него смуглое от солнца худощавое лицо и прямые черные волосы, спадающие на лоб.

– Я был в палатке кадров, сказали, больше никого не берем...

Как ни напрягаюсь, я ничего не могу придумать, что бы добавить к этому. Он смотрит на меня искоса и спрашивает:

– В какую роту хочешь?

Я заставляю себя улыбнуться:

– В свою старую роту, конечно!

Он возвращает мне листок со словами:

– Ты поздновато прибыл, в следующий раз поторопись!

Я выхожу из палатки и вновь возвращаюсь к кадровику, который с недовольным видом берет мой листок. Португеея так перетянула его телеса, что он похож на слегка сдувшийся воздушный шарик.

– Рота «Гейс»! – говорит он мне и больше не тратит на меня ни секунды.

Я выхожу из палатки. Холодный ветер треплет мои волосы в одну сторону и в другую. Иду к палаткам нашей роты. В лагере – оживление. Играют в мяч, и их хохот и громкие крики будоражат всех. Одна рота выстроена на плацу, и командир стоит сбоку. По его команде они

все приседают, встают, бросаются ничком на землю. Потом он указывает им на палатку хусейние и кричит. И вся рота, рассыпав строй, бежит изо всех сил к этой палатке. Каждый старается обогнать другого. Один падает, и бегущие сбиваются в кучу, чтобы на него не наступить. Поднявшись, он, хромая, догоняет их. Вот все добежали до палатки и, коснувшись ее рукой, так же, на полной скорости, мчатся обратно. Когда они вернулись на исходную черту, тот, кто упал, еще только добежал до палатки.

– Н-ну к-как? Как т-твои д-дела?

Меня окликают Мирза и уже поднимает руку вверх в знак моей победы. Потом он заглядывает в палатку и кому-то говорит обо мне. Выходит Али – босиком. Не дожидаясь его вопроса, я отвечаю:

– Направлен в нашу роту.

– Давай бегом отнеси направление в штаб роты и назад, – говорит мне Али. – Ребята в футбол собрались играть, мы тебя берем в нашу команду. Давай скорее!

Я тороплюсь в штаб роты. Обходя сзади палатку второго взвода, я вижу Хусейна – он сидит на земле и мажет ботинки гуталином. Красный шрам его блестит.

– Салам, Хусейн-ага!

Он встает, и мы с ним целуемся.

– Я слышал, что ты приехал, – говорит он. – Я ждал тебя.

Из-за ранения его рот не открывается как следует, и поэтому речь кажется какой-то жеваной.

– До полудня вы были на марш-броске, – отвечаю я. – А потом я был в первом взводе. Сейчас только в кадрах был.

– Предписание дали тебе? – спрашивает он.

– Да, меня приписали к роте.

Он ставит на землю ботинки.

– Зайдем в палатку.

– Да ты закончи свою работу, Хусейн-ага! – говорю я ему громко.

Но он уже откинул входной клапан.

– Заходи.

Я захожу вслед за ним и спрашиваю:

– А что, никого нет?

Обернувшись, он приставляет ладонь к уху и, нагнув голову, переспрашивает:

– А?

– Где ребята? – повторяю я. – В палатке никого нет.

Он достает из патронного ящика печенье и объясняет:

– Ушли все. Садись.

Он стелит на пол одеяло и взглядом предлагает мне сесть. Я сажусь. Наливает воды в кружку и макает в нее печенье, жует его. Предлагает и мне угоститься. Челюсть его плохо работает.

– Задержался ты, – замечает он, и от этих слов меня бросает в краску.

– Я сдавал экзамены, – отвечаю.

Он вновь указывает на печенье:

– Все сдал?

– Нет, еще оставалось три экзамена, – отвечаю я, – когда Али меня увез.

Я ожидал, что он скажет: надо, мол, было остаться, досдать до конца, но вместо этого он заявляет:

– Ты правильно сделал, что приехал.

Я вздрагиваю. Потом, набравшись духа, спрашиваю:

– А что, дело близко?

Он не отвечает. Я настаиваю:

– Так близко, что я и три экзамена досдать бы не успел?

Он загадочно улыбается и говорит:

– Похоже на то! Теперь скажи, в какой взвод ты хочешь?

– В первый, конечно.

Указав мне на печенье, он говорит:

– Абулфазл стал командиром второго взвода. Ты об этом знаешь. Сколько бы я ребятам ни говорил перейти к нему – не соглашаются. Дело близко, а Абулфазл один. Недавно приходил сюда, он слышал, что ты приехал. Просил послать тебя к нему.

Ядовито улыбнувшись, я перебиваю его:

– Никто из ребят не согласился, и теперь ты сам говоришь, что дело близко, и я к нему пойду, не зная никого из его ребят?

Он принужденно улыбается и продолжает:

– Это ничего. Абулфазлу не хватает гранатометчика, ты это возьмешь на себя.

Я опускаю голову. Он макает в воду новую печенинку и жует ее. Спрашивает:

– Значит, согласен?

– Это принудительно? – спрашиваю я. Хочу его загнать в угол. Он отвечает:

– Твоя работа в его взводе будет полезной.

Не знаю, почему у меня не хватает мужества прямо сказать ему, что я отказываюсь. Я весь горю. Я ждал, что буду вместе с ребятами: с Мехди, Масудом, Мирзой и Али. А теперь всё это рушится. Я встаю. Он настаивает:

– Так ты согласен?

Я молча сую ему руку и выхожу из палатки.

– Он один там, – продолжает Хусейн. – Ты поможешь ему.

Я ухожу, не отвечая, но он хватает меня за рукав.

– Так пойдешь к нему?

Я не отвечаю, и он говорит:

– Ну, дело твое. Иди в первый взвод и скажи Мехди, чтобы добавил тебя в список.

Я так раздражен, что даже эти слова меня не успокаивают. Плетусь к палатке первого взвода. Солнце на миг выглядывает из плотных серых облаков: после полудня небо затянуло. То тень накроет землю, то солнце проглянет – никакого сходства с великолепием утреннего небосвода. Даже дождик накрапывает. Взводные колонны одна за другой уходят для занятий в холмы и овраги. Из-за палатки первого взвода слышны громкие крики: играют в футбол. Командир взвода Мехди сидит на камне, и с его мягкой каштановой бородки течет пот. Волосы на лбу всклокочены. Увидев меня, движением головы спрашивает, как дела. Я подхожу и без всякого выражения объявляю:

– Направлен в первый взвод.

Он улыбается, и на щеках появляются мокрые складки. На поле Мирза неуклюже бросается туда-сюда за мячом, а, увидев меня, забывает про мяч. Подбегает к незнакомому мне вратарю и кричит ему:

– П-покинь по-поле! Наш иг-грок п-пришел. Ура!

Мехди говорит мне:

– Входи в игру.

Я выхожу на поле, и Мирза громко кричит:

– Н-нач-чинаем иг-грать за-заново!

* * *

Мехди окликает меня. Я говорю Мирзе:

– Поставь кого-нибудь вместо меня.

Рукавом вытираю пот со лба. Мехди говорит мне:

– Зайдем в палатку.

Когда я вхожу в палатку, несколько человек, незнакомых мне, смотрят на меня с любопытством. Один из них сидит прямо перед входом и зашивает дыру в гимнастерке; он улыбнулся мне с выражением, показавшимся мне бессмысленным. Он совсем маленького роста; кажется, ему не больше шестнадцати. Лицо круглое, лунного цвета. Большинство ребят ушли играть в футбол, и в палатке почти пусто. На керосиновой печке – большой чайник. Масуд, с засученными рукавами, выставляет на большой поднос пластмассовые красные кружки. Мы садимся в углу палатки, и Мехди достает свою красную тетрадь. В ней записаны имена всех ребят, и он спрашивает меня:

– Кем мы тебя запишем?

– Без разницы, – отвечаю я. – Тем, кто больше нужен взводу.

Я обеими ладонями вытираю с лица пот. Вяло улыбаясь, Мехди говорит:

– Будешь в мобильном резерве. Хусейн сказал, во время наступления ты ему понадобишься.

Я резко спрашиваю:

– Он сказал тебе, что посылает меня в первый взвод?

– Сказал так: если согласишься, пошлет тебя к Абулфазлу, если нет – то в первый взвод.

Меня зло берет от того, как он говорит со мной. Мне кажется, что меня обманывают. Мехди говорит луноликому пареньку, сидящему у входа:

– Пойди посмотри: есть ли кто в оружейной палатке батальона? Если есть, скажи: Насер-ага придет получать оружие. Скажи, чтобы ему выдали складной «Калашников».

Паренек быстро собирает свое шитье и подходит ко мне, с милой улыбкой говорит мне:

– Салам!

Суетливость его движений рассмешила меня, но я не подал вида. Мы жмем друг другу руки, и он говорит:

– Пойду, посмотрю, есть там кто-нибудь или нет.

Зачем он это сказал, я не понимаю. Он выскакивает из палатки наружу, а Мехди кричит ему вдогонку:

– Расул... Расул!

Возвращается.

– Скажи, чтобы и штык ему выдали.

Паренек, – а я теперь знаю, что его зовут Расул, – кивает, и вот мы слышим топот его ног: он убегает. Масуд наливает чай в кружки и приносит нам поднос. Густой пар поднимается и курится в воздухе, потом исчезает. Масуд говорит:

– Аллах Всемогуший, ты только посмотри! Я и Мирза дневалим, но я ему приношу чай. А отказаться духу не хватает – чувствую, он такое со мной сделает...

Со смехом я поднимаю руку и провоzglашаю:

– Бойся гнева Мирзы!

Мы берем чай, и Масуд уходит. Мехди начинает говорить со мной о ребятах и об экзаменах, и тут является запыхавшийся Расул.

– Они на... на месте. Идите скорее... Получайте! Я сказал им, чтобы вам выдали лучшее оружие. Скорее идите, а то как бы...

– Он сам знает, что делать, а ты лучше иди-ка сюда!

Я оглядываюсь и вижу мужчину в годах, который подзывает Расула. Мужчина улыбается мне с каким-то непонятным значением. Мехди говорит:

– Вставай, иди, получай.

Он выходит со мной из палатки. Расул тоже сопровождает нас, торопливо и озабоченно объясняет:

– Я им сказал приготовить оружейную ведомость для вас. Всё вам выдадут... В общем, если хотите, я с вами пойду...

– Он сам всё знает! – Мехди, улыбаясь, прерывает Расула, потом добавляет для меня: – Иди, получай!

Мирза еще на футбольной поле. Те, которые не играют, сидят вокруг подноса. Я иду к оружейной палатке. Получаю автомат и расписываюсь в ведомости, получаю и всё остальное. Когда возвращаюсь, уже все сидят вокруг подноса. Али машет мне издали рукой, потом берет с земли камень и бросает в меня – я уворачиваюсь.

– Ах ты наемник американский – мобильный резерв!

Я выхватываю штык из ножен и бросаюсь на Али. Расул аж подпрыгивает от радости. И ребята смеются. А Али держит в руках чашку с чаем, но с места не двигается. Но когда видит, что я действительно целю штыком ему в живот, вдруг выплескивает в мою сторону чай и бежит. Мирза, сам не свой, кричит:

– П-прикончи его в жив-вот! К-клянусь п-праведным Аб-басом, я б-беру на с-себя г-грех!

Остановившись, я говорю:

– Видал, Ага-Мирза, видал, как твой друг драпает?

Он смотрит мне в глаза и отвечает:

– Во-во им-мя Аллаха – слав-ва тебе!

Я понятия не имею, почему Расул в таком восторге. Он одет в бушлат, а его лицо кажется мне сейчас возмужавшим. Ребята идут в сторону палатки, Мирза говорит Масуду:

– Бу-будь до-добр, за-захвати п-поднос!

Мехди отводит меня за палатку, но Расул забегает вперед и встает на моем пути.

– Дайте ваши вещи, я отнесу в палатку!

И прежде, чем я успел что-то сказать, он уже стащил у меня с плеча автомат.

– Я иду в палатку. Дайте, дайте, пожалуйста, я отнесу. Вы, куда хотите, уходите, приходите... Дайте мне! Кстати, я получил для вас спальный мешок, так хорошо всё вышло. Капте-нармус не хотел давать, говорит: сам должен прийти расписаться. Но я у них силой вырвал. Говорю: он позже придет, распишется. Так хорошо всё вышло...

Я смотрю на него оценивающе, с благодарностью. Улыбка на его губах кажется невинной, как у ребенка. А зеленые его глаза словно вобрали в себя всю зелень лагеря. Ни волоска не растет на его лице.

– Большое спасибо, – говорю ему. – Да не оскудеет рука твоя. Потрудиться тебе пришлось!

– Какой тут труд – всё так хорошо вышло. А вот одеял у нас не хватает. Не то, что их вообще не хватает, но они выдают всем спальные мешки. Тут дело в том – я вообще-то не взводный снабженец, – но когда я увидел...

Мехди тянет к нему руку, чтобы попрощаться с ним, остановить его многословие. И мне становится смешно.

– Расул, дружище, остальное потом ему расскажешь, хорошо?

– Хорошо, я и место вам занял, место ваше около моего...

– До свиданья, – Мехди хлопает его по плечу.

– Хорошо, ухожу, ухожу, – говорит Расул...

Он суетливо, в своей манере, бежит в палатку.

– Видишь как! – улыбается Мехди.

– Новенький? – спрашиваю я.

Мехди нагибается и, подняв камень, бесцельно бросает его вдаль. Мы садимся позади палатки на земляном холмике. Тот склон, на вершине которого стоит лагерь, уходит перед нами вниз. Мехди негромко рассказывает:

– Знаешь, два его брата стали шахидами. Когда он пришел в батальон, его отправили помогать каптенармусу. Несколько дней там пробыл и всех утомил. Говорит, я хочу в одну из рот, хочу в бой, а здесь в бой не попаду. До того суетился, что там его не выдержали. Видишь, какой язык у него! Прислали в наш взвод. Договоренность такая, что в бой его не возьмем. Но, в любом случае, он уже во взводе. И мы сделали его помощником пулеметчика. С его излишней расторопностью – пусть при пулеметчике будет, вот при том мужчине в годах. Он самый старший во взводе: за тридцать уже.

Холодный ветер крутится, треплет кустики и траву, стихает.

– Начнется скоро. Сегодня сказали: всё приготовить...

Вдали машина едет словно бы прямо в небо, похожее на оранжевого цвета занавеску. За ней вьется золотой шлейф пыли. Я обхватываю сам себя за плечи: холодно.

– Вставай. Вставай, пойдем в палатку.

Я встаю, и мы вместе входим в палатку. Расул ставит на керосиновую печку большой чайник, но, увидев меня, подбегает:

– Вон оно, ваше место, вон тут. Я и для оружия сделал из телефонного провода, на чем повесить. Вот, к палаточной распорке – так хорошо вышло! И получил для вас бушлат, вот он, примерьте, пожалуйста. Думаю, это ваш размер, если маловат, сбегая поменяю. Вы только потом сходите туда, распишитесь. Не сегодня, завтра. Сначала-то не соглашались, говорили: пусть завтра сам придет, распишется. Но я говорю им: холодно! И потом, видите ли, они меня знают. Я у них работал, у каптенармуса. Говорю: холодно, он простудится, не годится в такую погоду...

Улучив момент, я вклиниваюсь в его слова:

– Большое спасибо. Мне прямо неловко – я бы сам сходил, получил...

Как я ни напрягаюсь в попытке придумать, что сказать, как остановить поток его слов – ничего не нахожу. В душе я уже проклиная себя за неудачливость, за то, что связался с этим Расулом – как вдруг его окликают.

– Расул! Иди-ка сюда на минутку.

Это тот же человек, который однажды уже спас меня от Расула. Мужчина в годах с тяжелой фигурой и загорелым лицом. Он улыбается мне улыбкой, смысла которой я не понимаю.

– Иду, Ага-Абдулла, сейчас иду.

– Говорю тебе: подойди, парень.

Зажигают фонари и вешают под крышу палатки. Прежде чем говорливый паренек вновь утопит меня в своем многословии, я выхожу наружу. Небо стало пепельно-серым, и из громкоговорителей звучит вечерний азан. Кто-то окликает меня из палатки, оглядываюсь и вижу Расула. Ругаю сам себя, что опять попался ему, а он уже подбегает. Умоляюще говорю ему:

– Будь добр, Расул...

Он протягивает мне бушлат.

– Я бушлат вам принес. Очень ведь холодно! – Он красиво улыбается, и я отвечаю:

– Да не оскудеет рука твоя.

С чувством неловкости я беру у него бушлат и накидываю на плечи. Иду в сторону умывальника.

* * *

Утром – построение. Я вижу всех старых знакомых. Мне стыдно смотреть в глаза Абул-фазлу, но он делает вид, что всё в порядке. Затем у нас бег и спортивные занятия. Когда возвращаемся, я в палатке вываливаю всё мое снаряжение и начинаю готовить его к походу. Подсумок для автоматных магазинов, подсумок для гранат, штык, фляга и портупея с ее ремнями. Я застегиваю пояс портупеи с прикрепленными к нему наплечными ремнями, но они перепутались, и Расул спешит мне на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.